

С.Е. Михеенков

33-я АРМИЯ, КОТОРУЮ ПРЕДАЛИ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военно-историческая библиотека (Вече)

Сергей Михеенков

33-я армия, которую предали

«ВЕЧЕ»

2016

Михеенков С. Е.

33-я армия, которую предали / С. Е. Михеенков —
«ВЕЧЕ», 2016 — (Военно-историческая библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4444-8569-9

Гибель 33-й армии в вяземском окружении 1942 года всё ещё покрыта завесой мучительно-мрачной тайны и недомолвок. Выходят новые книги, фильмы, появляются десятки публикаций, но все обходят главный сюжет этой кровавой драмы: почему же так произошло и кто был тем загадочным предателем в штабе 33-й армии, кто предал генерала Ефремова в самый напряжённый момент - во время марша на выход, в дни прорыва. Писатель Сергей Михеенков долгие годы изучает тему гибели 33-й армии и своего земляка командарма М.Г.Ефремова. Автор повести "Последний бой командарма" и сценария одноимённого телефильма, теперь он написал документальную книгу, в которой приоткрывает завесу над некоторыми до этого неизвестными страницами истории второго вяземского окружения. Вводятся в оборот многие до сего времени неопубликованные трофейные документы. Автор не обходит стороной и сложные личные взаимоотношения генералов М.Г.Ефремова и П.К.Жукова.

ISBN 978-5-4444-8569-9

© Михеенков С. Е., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Кто не боится угрозы гибелью...	5
Глава первая	8
Глава вторая	24
Глава третья	31
Глава четвёртая	36
Глава пятая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сергей Михеенков

33 армия, которую предали

Кто не боится угрозы гибелью...

Генерал-лейтенант М.Г. Ефремов не вошёл в плеяду полководцев Великой Отечественной войны, которые довели своих солдат до чертогов Победы, за что заслуженно получили маршальские звёзды, а также золотые и алмазные звёзды орденов и медалей. Он остался в истории войны как командующий 33-й армией. Хотя в ходе боёв командовал и 21-й, и 10-й армиями, был даже командующим Центральным фронтом.

Но именно с 33-й накрепко, теперь уже навсегда, связано его имя. По сути дела, эти две категории, два сочетания слов в их смысловом наполнении – равнозначны: **33-я армия** и **генерал Ефремов**. Потому что когда говорят о 33-й армии, вспоминают и генерала Ефремова. Когда говорят о генерале Ефремове, вспоминают его погибших солдат.

В последние годы интерес к судьбе 33-й армии и имени её командующего заметно возрос. Одна за другой выходят книги, в различных изданиях появляются новые исследования и публикации, создаются телевизионные фильмы, проводятся тематические научно-практические конференции. Историки, писатели и журналисты воссоздают события октября 1941 – апреля 1942 г. Уже расписан буквально по дням ход боевых действий дивизий и подразделений, входивших в состав 33-й армии. В Вязьме, Юхнове, Тарусе, Наро-Фоминске и других городах России созданы музеи. В народе о генерале Ефремове слагают легенды. Его так и называют – *легендарный командарм*.

Что же происходит с именем генерала? А может быть, этот вопрос необходимо опрокинуть в самих себя, глубже, чтобы он зазвучал ещё и так: что же происходит с нами?

Жизнь человеческая конечна и до обидного коротка. Ещё более короткой бывает память об умершем. Но есть судьбы, над которыми время теряет свою магическую власть и всепоглощающую силу, ту власть и силу, которая сродни слепой и неумолимой силе земли, дёрна, со временем способных даже величайшую цивилизацию с её развитой культурой превратить в ничем не примечательный пустынный рельеф.

Живую суть имени генерала М.Г. Ефремова возвысила его смерть. Его трагедия. Его стенания и страдания, которые слились со стенаниями и трагедией в вяземских и юхновских лесах двенадцатитысячной его армии.

Русский философ Борис Петрович Вышеславцев, много размышлявший об этике долга и этике творчества, писал: «...трагизм не убивает, а очищает, даже восхищает. В этом чудо трагизма: как может трагедия, т. е. гибель и смерть, восхищать и быть прекрасной? Странная диалектика трагизма состоит в том, что гибель героев и мучеников она превращает в победу, что конец она превращает в начало чего-то иного, – что в «безвыходности» она предчувствует выход. Трагизм как бы вырывает из жизни, из плоскости быта и ежедневности. В этом есть скрытая радость и упоение. Радость состоит в том, что в трагизме дух, т. е. подлинное глубинное «я», впервые переживает и сознаёт своё царственное достоинство, свою абсолютную свободу от всех низших ступеней бытия, от всякой природы, от всякой необходимости. Но это особое достоинство и особая свобода: она принадлежит только тому, кто готов пройти через трагизм, кто имеет абсолютное мужество не дрожать за жизнь. Кто не боится «угрозы гибелью» – тому дан «залог бессмертия».

Такова природа нашего пристального и, я бы сказал, почтительного интереса к личности генерала.

Но нам ещё предстоит ответить и на второй вопрос: почему же именно нас и именно теперь так волнует эта трагическая личность? Ведь были в истории Второй мировой войны и другие эпизоды с другими героями, которые каким-то образом можно приложить к нашим размышлениям. Были герои и в нашей армии, и в другой.

В январе 1943 г., когда под Сталинградом судьба 6-й полевой армии Паулюса была уже решена, когда немецкие генералы, находившиеся в «котле», подчинившись року, ждали прихода советских автоматчиков, чтобы передать им своё личное оружие и тем самым смиренно принять статус военнопленных, – в эти самые минуты у железнодорожной насыпи южнее устья реки Царицы командир 71-й нижнесаксонской пехотной дивизии, вытащив из окоченевших рук замерзающего солдата карабин, стоял во весь рост, не пригибаясь и не прячась, и стрелял в сторону наступающих до тех пор, пока пулемётная очередь не сразила его. Тем последним сражающимся солдатом 71-й нижнесаксонской пехотной дивизии был генерал-лейтенант фон Гартман. Кто из немцев помнит о нём?! Нам-то незачем восхищаться чужими подвигами... Но и немцы не помнят о генерале Гартмане. Но воздали почести героизму и мужеству генерала М.Г. Ефремова, отметив, что командующий и его солдаты «дрались, как львы».

И я думаю, что настало время, когда наша народная мыслящая душа вызрела настолько, что может чувствовать необходимость размышлять о последних днях жизни генерала М.Г. Ефремова и его смерти в рамках тех этических и даже религиозных воззрений, в которых она рождена и воспитана. Как ни парадоксально это может прозвучать в приложении к конкретному человеку, который в своих приказах по армии столь широко и вольно применял большевистскую риторику. (Всё дело в том, что в те годы большевизм цементировал русскую государственность. А в годы войны – русский характер. Но это уже другая тема.)

И, видимо, обретя только такую степень внутренней свободы думать и чувствовать, мы сможем, наконец, уловить ту ноту звучания прошлого, собственно истории, которая и поможет нам пристальнее всмотреться в это прошлое, чтобы понять настоящее. Всмотреться во все причины и следствия, в каноны и кануны. И почувствовать, наконец, природу своего восхищения, той «радости упоения», о которой говорил философ.

Есть некая закономерность того, что этот пристальный взгляд в прошлое, это осознанное внимание к голосу из 1942 г., это восхищение перед «царственным достоинством духа», происходит именно сейчас, когда страна и общество переживают нелёгкие обстоятельства исторического разлома, когда многое из повседневной жизни современника может быть приложимо к тем обстоятельствам, в которых действовал наш герой и его солдаты.

И последнее, о чём необходимо сказать несколько слов, это собственно название книги и то, почему она названа «АРМИЯ, КОТОРУЮ ПРЕДАЛИ».

Невозможно выдумать судьбу. Она складывается. Точно так же сложилось и название книги, которую вы держите в руках.

И тем не менее я понимаю, что кого-то покоробит слово «предали». Этот глагол, за которым, как и за каждым глаголом, всегда – действие. У кого-то возникнут естественные вопросы: кто предал? как предал? почему предал?

По-первых, я и сам не смог ответить на многие вопросы. Более того, чем больше занимаюсь темой гибели Западной группировки 33-й армии и командарма М.Г. Ефремова, чем глубже погружаюсь в обстоятельства последних дней и часов жизни многих моих героев, тем больше возникает вопросов и тем труднее найти ответы на них. Да, в армии были предатели. Да, и в самом штабе армии был человек или группа, которые работали на немцев. Во-вторых, в смысл названия я закладывал не столько это, сколько то, что происходило с историей трагедии армии и командарма потом. Как замалчивалась правда. Как доживали ветераны 33-й, многих из которых в собесах и военкоматах не призвали даже участниками Великой Отечественной войны с предоставлением предусмотренных законодательством льгот и скромных

бытовых благ. В-третьих: и теперь ещё вокруг имени командарма 33 клубится очень много лжи и недомолвок. Как будто кольцо губительного окружения вокруг 33-й армии и её генерала ещё не разорвано.

Трагедия 33-й и её командующего не завершилась в апреле 1942 г. в Шпырёвском лесу, на Угре и в сосняке близ села Слободки с гибелью тысяч бойцов и командиров, пытавшихся вырваться из окружения. «Трагизм не убивает, а очищает...» И этот очистительный свет сейчас проливается в равной степени и на историю почти семидесятилетней давности, т. е. на прошлое, и на наши лица и души, т. е. на настоящее.

Глава первая

М.Г. Ефремов. Прапорщик, комдив, командарм

Детство в Тарусе. В Москве, на мануфактуре Рябова. Телавская школа прапорщиков. Первая мировая война. Революция. Снова в армии. Гражданская война и военная карьера. Штурм Баку и другие бои. Судьба наград Ефремова. Где хранится золотая сабля Ефремова. Судьба вазы с рубинами. Комдив, комкор... По делу П.Е. Дыбенко. Служба в военных округах. Внезапный вызов в Москву. «Я не виновен». Письма Ворошилову и Микояну. Встреча со Сталиным: «Поезжайте в Орёл». 1941-й

Когда командарм вытащил из кобуры свой ТТ и приложил к виску, вся его жизнь мгновенно пронеслась перед глазами....

Он вспомнил себя ребёнком на коленях у матери, тёплых и уютных, как нагретая солнцем земля его родины. Он чувствовал то безмятежное счастье абсолютной защищённости и надёжности мира, которое человек может чувствовать только в раннем детстве. Высокое неподвижное небо над старинным городком и рекой, которая бирюзовой лентой опоясывает тот городок, отделяя его от далей прятных лугов. Лица друзей, Пашки и Даньки Егоровых, тоже почему-то те, давние, тарусские, детские. И Пашка ещё живой... Белый собор в Тарусе, мреющий от жары в прозрачном мареве июльского дня, когда городок наполняет запах скошенной травы и наполовину высушенного сена... Белые камни булыжной мостовой, круто спускающейся к Оке, к плашкоутному мосту, где они, втроём, три будущих генерала, которым предстоит умереть в будущей войне солдатской смертью, удили на быстрине пескarei. А вот мельница... Голос отца, окликающего мать... Москва... Первая девушка... Он запомнил запах её волос и ладоней... Погоны прапорщика, Юго-Западный фронт... Вагон, вонючий, пропитанный злобой и матерщиной, битком набитый дезертирами того самого Юго-Западного фронта, который они несколько дней храбро защищали от атак кайзеровских войск, покачиваясь, плывёт по какому-то знакомому пригороду... Так это же снова Москва!.. Большевики... Баку... Сергей Киров и Анастас Микоян... Испуганные, виноватые глаза Павла Дыбенко... «Паша, зачем ты меня оговорил? Что с тобой?» Суровое лицо Сталина и небрежный его жест, которым он отталкивает на край стола папку с делом Ефремова... «Я не виновен, товарищ Сталин». И – согласный кивок, и улыбка сквозь табачный дым раскуренной трубки... Белое поле под Вязьмой... Белое-белое – в линзах бинокля – ещё не замаранное разрывами снарядов и мин. Белое... Как собор в Тарусе в знойный июльский полдень, глубоко наполненный сиянием неба и тишины...

27 февраля 1897 г. в небольшом городке Тарусе Калужской губернии в семье бедных мещан Александры Лукиничны и Григория Емельяновича Ефремовых родился первенец, сын. Назвали его Михаилом. Родители вскоре перебрались в недалёкое село Юрятино, на реку Протву. Григорий Емельянович нанялся на хлебную должность помощником мельника на знаменитой на весь уезд мельнице братьев Бобровых. Александра Лукинична тоже подрабатывала – кухаркой в имении мирового судьи Тарусского уезда и изобретателя первого русского телефона помещика средней руки Павла Михайловича Голубицкого. Миша некоторое время жил в Тарусе у бабушки, в деревянном доме в укромном Калужском переулке. Рядом, через несколько дворов, на Овражной, стоял дом Егоровых. С Павлом и Даниилом Егоровыми Михаил учился в Тарусской церковно-приходской школе.

Местом их забав, детских игр и развлечений была река Ока и луг за Земляным мостом у бывшего тюремного замка за речушкой Посерёдкой, где несколько лет назад Тарусское земство выделило земли под строительство домов для семей инвалидов Русско-японской

войны. И трое друзей с любопытством слушали рассказы побывавших в боях солдат, ещё не износивших своих армейских шаровар, как ходили они в атаку на засевших на склонах маньчжурских сопок японцев, как лавой бросались в штыки под Порт-Артуром. Ветер трепал их пустые рукава, позванивали на гимнастёрках медали с надписью древней вязью: «Да вознесёт вас Господь с своё время». Место это в Тарусе сразу прозвали Порт-Артуром – и по принадлежности первых здешних поселенцев, и из-за крайней, как тогда считалось, удалённости от города¹.

Кто знает, что определяет судьбу человека и где он найдёт свой рок. Во всяком случае, все трое друзей вскоре наденут солдатские шинели, а потом станут генералами Красной Армии. И все трое погибнут в 1941 и 1942 гг.: один под Рославлем, другой под Вязьмой, третий под Харьковом. В самых кровавых и самых неудачных для нашей армии и страны битвах, о которых долго будут помалкивать историки и публицисты. А многие ветераны тех безвестных сражений так и пронесут через всю жизнь знак героев то ли мифических, то ли позорных, то ли вовсе не существовавших битв.

Отец Михаила, Григорий Емельянович, происходил из крестьян сельца Ольховец Новосильского уезда Орловской губернии. В Тарусу он приехал в поисках заработка. Здесь женился на местной девушке Александре Лукиничне, урождённой Ганьшиной. Нанявшись на работу к купцам Бобровым, Григорий Емельянович стал неплохо зарабатывать. Вскоре Александра Лукинична родила ещё пятерых детей: Ивана, Василия, Владимира, Павла и Анастасию.

Однажды в Тарусу на отдых, поохотиться в здешних лесах, богатых дичью, порыбачить, похлебать на высоком берегу у ночного костерка ушицы, приехал знаменитый московский купец Рябов. На Оке московскому рыбаку помогли тарусские мальчишки. Червей накопать, наловить живцов... Особенно ловким Рябову показался рослый Миша Ефремов, старший сын юрятинского мельника. Позже Рябов заехал в Юрятино, отыскал на мельнице Григория Емельяновича и сказал:

– Отдай мне парня. Я из него человека сделаю. А тебе, – кивнул он на лавку, которую по ранжиру осёдлывали пятеро, мал мала меньше, – есть кого кормить.

В Москве в Большом Воскресенском переулке на мануфактурной фабрике Рябова Михаил Ефремов вначале работал подмастерьем, на побегушках. И до того порой это подневолье угнетало мальчонку, что однажды он даже решил бежать из Москвы домой, в Тарусу, на волю.

Но вскоре его взяли к себе в учение мастера-гравёры. Эта работа ему сразу понравилась. Да и заработок здесь оказался более надёжным. Из ночлежного дома переселился на квартиру. Мастер, у которого он учился гравёрному ремеслу, наставлял парня: малый-де ты смышлённый, далеко пойдёшь, если будешь учиться. И Михаил поступил на Пречистенские рабочие курсы, что на Остоженке.

Его учёба на Пречистенских курсах совпала с событиями 1905–1907 гг. В газетах писали о возмущениях рабочих. Поговаривали о расстрелах демонстраций. Бастовали и в цехах Рябовской мануфактуры. Михаил приглядывался к происходящему и ничего толком понять не мог. Рабочие скрипели зубами на Рябова, на его порядки. А Михаил видел в нём доброго, рассудительного человека, нескупого, совершенно лишённого барских замашек. И не раз убеждался в этом, сопровождая Рябова в Юрятино и Тарусу, куда тот каждое лето отправлялся порыбачить да похлебать вволю «демяновой ушицы», как в шутку он именовал водочку.

¹ Теперь этот квартал стал частью города Тарусы. Здесь расположены проспект Пушкина и ул. Шмидта. И Порт-Артуром его называют разве что только в исторических путеводителях.

Однажды, на Оке, ранним утром, они с Рябовым сидели в лодке и удили лещей. По реке косяком тянуло туман. Солнце никак не могло пробить его. В стороне Алексина послышалась гармошка, потом песни. Пели мужские голоса. Песни были то разухабисто-весёлыми, то такими тоскливыми, что Рябов невольно отложил удочку и прислушался. Из тумана выползла баржа. На барже стояли и сидели солдаты.

– Куда вас, служивые? – спросил Рябов.

– Известно куда, – ответили ему с баржи. – На войну.

– На какую войну? – невольно удивился Рябов.

– На германскую. А вы что, не знаете? Вот народ в Тарусе живёт! Война началась, а они не знают, рыбу ловят... Всё им нипочём!

В сентябре 1915 г. призвали и Михаила. Вначале попал в 55-й запасной полк. Затем, как имеющий шестиклассное образование, он был откомандирован в Грузию, в г. Телави, в школу прапорщиков. На фронте не хватало младших командиров. Весной 1916 г., сменив юнкерские погоны на погоны прапорщика, Ефремов сразу же отправился в действующую армию.

Юго-Западный фронт. Ефремов зачислен в тяжёлый артиллерийский дивизион. И в его составе участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве в Галиции.

Военная служба ему нравилась. Дисциплинированный, требовательный к себе и подчинённым. Аккуратный, опрятный. Батарейцы его любили за то, что в бою он был всегда рядом, не чурался заменить хоть наводчика, хоть замкового, хоть подносчика снарядов, когда кто-либо из прислуги выбывал. Его орудия стреляли точно, грамотно. Вне боя не высокомерничал, как иные офицеры из благородных. Солдатскую душу понимал. И знал, что на батарее его за глаза называют «наш прапор».

Вскоре в окопах и на батарее появились листовки. Их приносили какие-то странные юркие люди. Одеты они были в солдатские шинели, но на солдат походили мало.

– Анархисты, – пояснил знакомый подпрапорщик из первой батареи. – Революционеры, агитаторы. Мутят воду... Сволочи...

А через несколько дней восстал 223-й Одолевский пехотный полк, который батарея прапорщика Ефремова всегда поддерживала в бою. Солдаты штыками закололи нескольких офицеров, вылезли из окопов и пошли брататься к австрийцам...

И – закрутилось-завертелось. Солдаты, целыми ротами и батальонами, стали покидать позиции и дезертировать в тыл. Ефремову это не нравилось. Как можно оставлять фронт? Бросать окопы? Орудия? А – присяга? Но вскоре стихия хаоса захватила и его.

– Сымай, прапор, погоны, – сказал ему пожилой батареец. – А то товарищи на штыки подымуть.

В Москве он разыскал старых друзей и знакомых. Вернулся на фабрику. Начались долгие рабочие дни с мизерной зарплатой, на которую почти невозможно было прокормить даже себя, не говоря уже о помощи родителям и семье. На заводах начались забастовки. И вот пронеслось:

– Керенский бежал!

– Юнкера засели в кремле!

Михаил записался бойцом в один из Замоскворецких рабочих отрядов. К счастью, в Замоскворечье обошлось без большой крови. Юнкера и студенты Коммерческого института, а также три школы прапорщиков вначале засели в Александровских казармах, а потом сложили оружие. Но через несколько дней Ефремову и его товарищам всё же пришлось принять участие в уличных боях. Рабочие оказались неважнецкими стрелками. В основном палили для остротки, в белый свет как в копеечку. Михаил начал показывать, как правильно нужно обращаться с винтовкой. Как её чистить. И как из неё вести прицельный огонь. Так когда-то в гравёрном цеху его учили держать рабочий инструмент. Но настало иное время. И основ-

ным его рабочим инструментом стала винтовка. Его назначили инструктором 1-го Замоскворецкого красногвардейского отряда. Так началась его карьера в новой армии, которую в те дни называли Красной гвардией.

Летом 1918 г. Ефремова назначили командиром роты 1-й Московской пехотной бригады. С тех пор вся его жизнь будет связана именно с пехотой.

Командовал батальоном, а затем сводным отрядом под Новохопёрском. 13-м Астраханским железнодорожным полком под Астраханью. Под Царицыном, в период боёв, вступил в партию большевиков. Рекомендацию ему дал председатель Временного военно-революционного комитета Астраханского края С.М. Киров. Там он подружился с Мироньчем. Вскоре получил новое назначение, став начальником обороны всех железных дорог, находящихся в полосе действия 11-й армии. Основной ударной силой, которой он в то время располагал, был особый отряд бронепоездов. Именно блестящим маневром бронепоездов Ефремов вскоре проведёт ошеломляющую операцию по захвату Баку.

25 апреля 1920 г. Ефремов получил приказ, подписанный командующим 11-й армией М.К. Левандовским² о начале операции. Четыре бронепоезда под общим командованием Ефремова должны были составить ударную группу Кавказского фронта, которым в то время командовал М.Н. Тухачевский³. На головном бронепоезде во время атаки рядом с Ефремовым находился член Кавказского крайкома партии А.И. Микоян⁴.

В Баку в то время набирали силу националистические настроения довольно многочисленной группы местного населения – татар. Распад империи будил сепаратистские настроения. Татарская мусульманская партия или, как её называли большевики в своих листовках и на митингах, «бекско-ханская феодальная организация» «Муссават» провозгласила лозунг: «Закавказье – для закавказцев!» Попытка потеснить русских закончилась так называемыми Шамхорскими событиями. Татары попытались отнять оружие у русских воинских частей, прибывающих с фронта. Очевидец тех событий бывший кадет Б. Байков в своих «Воспоминаниях о революции в Закавказьи (1917–1920 г.г.)» писал: «Вынужденные двигаться в ту

² Левандовский Михаил Карлович (1890–1938) – командарм 2-го ранга. Арестован вместе с другими высокопоставленными военными в 1938 г. и вскоре расстрелян. Его показания легли в основу обвинений, выдвинутых против П.Е. Дыбенко. Последний едва не утащил за собой М.Г. Ефремова.

³ Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937) – из дворян. Окончил Александровское военное училище в 1914 г. с присвоением звания поручик. Участник в Галицийской битве, в боях под Ивангородом и Ломжей. Получил орден Владимира IV степени с мечами. В 1915 г. под Кольно попал в германский плен. В плену познакомился с французским капитаном Шарлем де Голлем. Как утверждают одни биографы Тухачевского, в плену он проникся большевистскими идеями. Другие – что увидел в новых событиях возможность сделать стремительную карьеру. В 1917 г. бежал из плена. В 1918 г. командовал 1-й армией против чехословаков. Командовал также 8-й армией против казаков на Дону. С 5-й армией воевал против Колчака. В 20-м г. командовал Кавказским фронтом. Затем принял войска Западного фронта и двинул их на Польшу. Действовал самонадеянно и потерпел сокрушительное поражение под Варшавой. Отличился при усмирении бунтующей России: в ноябре 1920 разгромил белорусскую повстанческую армию Булак-Булаховича, в марте 1921 г. подавил восстание в Кронштадте, а в мае того же года – восстание Антонова на Тамбовщине. Имел прозвище Красный Бонапарт. Ему покровительствовал Л. Троцкий. Когда-то Наполеон, поднимаясь к вершинам своей власти, в частности, в тот момент к должности главнокомандующего, расстрелял из пушек восставших парижан. В Тамбовской губернии из тяжелых орудий войска разносили целые сёла, семьи повстанцев брались в заложники, расстреливались, заключались в концентрационные лагеря. Здесь были применены отравляющие вещества. 12 июня 1921 г. в своём приказе Тухачевский писал: «Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами. Точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая всё, что в нём пряталось». В 1937 г. арестован по приказу Наркома НКВД Н.И. Ежова вместе с группой высокопоставленных военачальников, осуждён по обвинению в связях с немецкой разведкой и подготовке военного переворота в стране. Расстрелян летом 1937 г. Жена и братья вскоре тоже расстреляны. Остальные члены семьи и родственники сосланы в лагерь.

⁴ Микоян Анастас Иванович (1895–1978) – государственный и партийный деятель. Окончил духовную семинарию. Участник Октябрьской революции и Гражданской войны. В 1941 г. председатель комитета продовольственно-вещевого снабжения Красной Армии, член Совета по эвакуации, председатель Совета по эвакуации из прифронтовой полосы запасов продовольствия. В 1942–1945 гг. член ГКО, контролировал организацию снабжения армии и руководил осуществлением поставок по ленд-лизу. В 1943–1946 гг. член Комитета СНК СССР по восстановлению народного хозяйства в районах, освобождённых от фашистской оккупации. Награждён шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции и орденом Красного Знамени.

же сторону, то есть на Елизаветполь – Баку, воинские части, озлобленные участью своих боевых товарищей, пошли дальше уже как по вражеской стране, сметая по своему пути всё татарское население, принимавшее и не принимавшее участие в кровавых Шамхорских и иных нападениях. Местами войска шли боевым порядком, громя всё из орудий и пулемётов». Попытка разграбить воинские эшелоны не удалась. Но вслед за этим татары устроили резню местным армянам, в которой погибло до 20 000 армян. Турецко-азербайджанская армия под командованием Мурсала-паши обложила блокадой Баку и нефтеносные районы, населённые в основном русскими, а также армянами и другими народностями. «Муссават» опирался именно на эти штыки. Турецкую армию поддерживали немцы.

Рейд бронепоездов под командованием Ефремова положил конец и националистическим вождениям местной элиты, и интригам англичан и немцев, и агрессии турок.

За удачно проведённую операцию, закончившуюся установлением в Азербайджане Советской власти, отважному командиру бронепоездов был вручён орден Красного Знамени и азербайджанский орден Красного Знамени № 1 с гравировкой на обороте: «Тов. М.Г. Ефремову за Баку. 1920 г.»⁵.

Одновременно Реввоенсовет 11-й армии за образцовое выполнение боевого задания, который впоследствии войдёт в историю Гражданской войны как *Бакинский рейд*, наградил Ефремова золотой именной саблей. В подарок от Ревкома Азербайджанской Советской Социалистической Республики ему была вручена хрустальная ваза, оправленная драгоценными камнями. Второй орден Красного Знамени АССР он получил с гравировкой: «За Ганджу».

История наград и подарков Ефремова требует отдельного исследования. Но известно следующее.

На фотографии 1939 г. на груди у Ефремова: Орден Ленина, Орден Красного Знамени, орден Трудового Красного Знамени, два ордена Красного Знамени АССР и медаль «XX лет РККА». Ещё один орден Красного Знамени ему будет вручён за Московскую Битву. Судьба всех этих наград, кроме азербайджанского ордена № 1, неизвестна. Вазу украли махновцы. А саблю после войны Елизавета Васильевна Ефремова передала тогдашнему первому секретарю компартии Азербайджана Гейдару Алиеву в его знаменитую коллекцию холодного оружия. В той коллекции она хранится и поныне. Знатки утверждают, что коллекция клинков Алиева одна из лучших в мире.

Вазу же украли бандиты. Вот как это случилось.

В 1921 г. Ефремов вступил в командование 33-й стрелковой дивизией, которая дислоцировалась под Пятигорском и Кисловодском. 33-я стала первым крупным пехотным соединением, которым командовал Ефремов. 33-я армия – последним. О магия чисел! И вот молодой комдив со своей юной женой отправились к новому месту службы. На поезд, в котором они ехали, напала банда. Ефремов и несколько командиров решили забаррикадироваться в тамбуре, чтобы дать им отпор. Но их перехватили в коридоре вагона, скрутили. Вытащили на платформу. Заставили снять шинели, сапоги. Связали их руки за спиной, примотали друг к другу попарно и повезли к атаману. Бандиты, оставив часового возле связанных, бросились грабить вагоны. Командиры вскоре развязали руки. Ефремов сказал часовому: «Земляк, у меня в кармане деньги. Порядочная сумма. Двух коней можно купить. Возьми эти деньги. Всё равно сейчас твои дружки заберут». Часовой подошёл к Ефремову. Когда тот нагнулся и начал отстёгивать клапан нагрудного кармана, Ефремов сильным ударом свалил его с ног. Часового связали. И один за другим спрыгнули с платформы. Босиком, по снегу, они добрались до ближайшей деревни. В Пятигорск приехали уже другим поездом. Елизавета Васильевна ждала его на перроне. Они увидели друг друга и были необыкновенно счастливы,

⁵ Орден хранится в фондах Центрального музея Вооружённых сил РФ.

что живы и здоровы. Елизавета Васильевна успела спрятать ордена мужа. Их не нашли. А о вазе особенно не горевали.

В феврале 1921 г. 33-я дивизия совместно с отрядом осетинских партизан, перейдя через снега Мамисонского и Гебского перевалов Кавказских гор, атаковала грузинские меньшевистские войска, оккупировавшие осетинские земли, и оттеснила их. В Грузии вспыхнуло большевистское восстание. 33-я дивизия занималась патрулированием освобождённой территории и дорог.

В том же 1921 г. Ефремов участвовал в военной операции по усмирению крестьянского восстания Антонова в Тамбовской губернии. Хорошо понимая природу этого восстания, он разговаривал с пленными крестьянами, отсылал их обратно в отряды с целью уговорить односельчан доброй волей сложить оружие. И некоторые мелкие группы вскоре бросали оружие и расходились. Хотя подавление любого бунта, как известно, без крови не обходится. Здесь, на Тамбовщине, Ефремов командовал Московской отдельной курсантской бригадой. С нею вскоре отбыл на север, в Карелию. Финны вторглись в пределы Советской Карелии. Шли бои с регулярными частями Красной Армии. Реввоенсовет Республики в спешном порядке создавал Карельский фронт, разделив его на Северную завесу и Южную. Командование Южной завесой было поручено Ефремову. Здесь произошла неожиданная радостная встреча с другом детства: начальником штаба в Южную завесу Карельского фронта был прислан Павел Григорьевич Егоров, друг тарусского детства. К весне 1922 г. финские войска были оттеснены с территории Советской России. Началось укрепление границы.

В 20-е гг., когда наступило затишье, Ефремов занялся учёбой. Окончил Высшие академические курсы. И сразу же получил назначение в – 14-ю Московскую стрелковую дивизию. Затем был переведён в 10-й корпус и получил 19-ю дивизию. Корпусом командовал П.Е. Дыбенко, бывший председатель Центробалта. Тогда-то и завязалась их дружба

Летом 1926 г. Ефремов был срочно отозван в Главное управление кадров РККА с предписанием сдать дивизию для получения нового назначения. Новым назначением был Китай. В Китае, служа в качестве старшего советника Народно-революционной армии Китая, он познакомился с В.К. Блюхером.

Через год, после возвращения из Китая, получил 18-ю стрелковую дивизию, которой во время Гражданской войны командовал И.Ф. Федько. В 52-м полку этой дивизии начальником штаба служил П.И. Батов⁶. После войны, вспоминая своего бывшего комдива, генерал армии П.И. Батов рассказывал, что Ефремов много внимания уделял тому, чтобы офицеры, в том числе и штабные работники, овладевали смежными специальностями. К примеру, самому Батову пришлось стажироваться в должности наводчика, командира орудия, командира огневого взвода, батареи, дивизиона в 1-м артиллерийском полку, приданном дивизии. По итогам стажировки сдавали зачёт по полной программе. Как правило, на зачётных занятиях присутствовал сам комдив Ефремов. И вот настал черёд сдавать зачёт Батову. Он отлично провёл стрельбы и был удостоен высшей награды, учреждённой Ефремовым, – денежной премии в сумме 300 рублей с объявлением благодарности.

Но Ефремов и сам постоянно учился. Жадно читал военные журналы, книги. Умел учиться и у своих товарищей, и у своих командиров, и у подчинённых.

⁶ Батов Павел Иванович (1897–1985) – генерал армии (1955). Дважды Герой Советского Союза. В Красной Армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил курсы «Выстрел» и Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба. В июне 1941 г. генерал-лейтенант. В ходе войны командир 9-го отдельного стрелкового корпуса в Крыму. Затем заместитель командующего и командующий 51-й армией. Одновременно заместитель командующего войсками Крыма. Командующий 3-й армией. В 1942 г. помощник командующего Брянским фронтом. С октября 1942 г. командовал 65-й армией, с которой прошёл всю войну. Награждён семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени.

Вот какую характеристику получил комдив Ефремов Высшей аттестационной комиссией при РВС СССР. Документ датирован 28.05.29.

«Энергичный, инициативный, дисциплинированный работник. Общую военную подготовку имеет удовлетворительную. В оперативных и тактических вопросах разбирается. Имеет боевой опыт. Руководство подготовкой частей дивизии – правильное. Руководство хозяйственной жизнью частей – правильное, хороший администратор. С обязанностями единоначальника⁷ справляется, однако, как единоначальнику, необходимо уделить внимание партийно-политической самоподготовке. Работает над собой как по вопросам общеполитическим, так и военным. Хороший товарищ, скромный, не выпячивающий себя. Критически относится к себе. Указания начальника воспринимает и проводит в жизнь с должным вниманием. В обращении с подчинёнными и во взаимоотношениях с начальниками весьма корректен. Заботится о подчинённых.

Общий вывод: должности комдива вполне соответствует. Может быть выдвинут в очередном порядке комкором»⁸.

В 1929 г. Ефремов получил предписание: выехать в г. Ленинград для обучения в Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачёва на факультете единоначальников. В это время он снова встретился с Миронычем. Часто бывал у С.М. Кирова в гостях. Тот рассказывал о некоторых осложнениях в работе, которые возникли в последнее время.

Через год он вернулся в войска и получил 63-й стрелковый корпус.

А в 1930 г. поступил в Особую группу Военной академии им. М.В. Фрунзе. В числе слушателей были С.М. Будённый⁹ и О.И. Городовиков¹⁰. Начальником и военным комиссаром академии в то время был Б.М. Шапошников¹¹. Приняв дела высшего учебного заведения Советского Союза, Борис Михайлович значительно перестроил весь академический курс, отведя большую часть учебного времени оперативно-тактической подготовке слушателей. В воздухе пахло надвигающейся грозой. Лекции в аудиториях закреплялись основательной полевой практикой на полигоне в Гороховецких лагерях.

В 1933 г. Ефремов успешно окончил курс обучения и получил следующую аттестацию:

«Здоровый, энергичный, выносливый строевой командир. Пришёл в академию с большим практическим стажем Гражданской войны, с ограниченными знаниями в области общей тактики и штабной службы, с достаточным политическим развитием, недостаточно грамотный.

Академический курс усвоил хорошо, значительно вырос в области тактического развития и оперативного искусства, хорошо изучил технику штабной службы. Пополнил поли-

⁷ Единоначальники в РККА совмещали две должности в войсках: командира и комиссара.

⁸ ЦАМО. Личное дело М.Г. Ефремова. Д.1780368.

⁹ Будённый Семён Михайлович (1883–1973) – Маршал Советского Союза (1935). В Гражданскую войну командовал 1-й конной армией. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. В ходе войны член Ставки ВГК. Командующий войсками Юго-Западного направления, Резервного фронта, Северо-кавказского направления. С 1943 г. командующий кавалерией РККА и член Высшего военного совета НКО СССР. Награждён восемью орденами Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени.

¹⁰ Городовиков Ока Иванович (1879–1960) – генерал-полковник (1940). Герой Советского Союза. В армии с 1918 г. В Гражданскую войну командовал кавалерийской дивизией в 1-й Конной армии, а также 2-й Конной армией. Окончил Высшие академические курсы, Военную академию им. М.В. Фрунзе. Во время войны руководил формированием кавалерийских частей. Летом 1941 г. и во время Сталинградской битвы находился на фронтах как представитель Ставки ВГК по использованию кавалерии. Награждён тремя орденами Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени.

¹¹ Шапошников Борис Михайлович (1882–1945) – Маршал Советского Союза (1940). В Красной Армии с 1918 г. В 1910 г. окончил Военную академию Генштаба. Участник Первой мировой войны. Участник Гражданской войны. В ходе Великой Отечественной войны начальник Генштаба. Занимал посты заместителя наркома обороны СССР, начальника Военной академии Генштаба. Награждён тремя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды. Автор многих военно-научных трудов.

тические знания, значительно повысил грамотность, изучил дополнительно английский язык¹².

За время нахождения в академии к обязанностям своим как слушателя, так и обязанностям курсового старосты относился с полной внимательностью. Дисциплинирован, тактичен, во взаимоотношениях с окружающими хороший товарищ. В работе ровный и спокойный, не растеривающийся в боевой обстановке.

Вполне заслуживает должности командира стрелкового корпуса, единоначальника. К штабной работе менее пригоден, по свойствам своего характера, безусловно, более будет полезным на строевой службе»¹³.

На аттестационном листе есть резолюция Б.М. Шапошникова: «С аттестацией и выводами согласен. Достоин выдвижения на должность помкомвоиск округа»¹⁴.

Затем была служба в должности командира 12-го стрелкового корпуса. Корпус дислоцировался в районе Саратова и Аткарска. В это время командующим Приволжским военным округом, в который входил 12-й ск, был П.Е. Дыбенко. Они продолжили не только совместную службу, но и дружбу. Их многое сближало: происхождение, Гражданская война, любовь к армейской службе, любовь к жизни. Они были под стать друг другу – оба под два метра ростом. Сближало их и общее крестьянское происхождение, и полуголодное детство.

В свободное от службы время у них было общее увлечение: стрельба в тире. Третьим партнёром-стрелком был комкор И.С. Кутяков. Стреляли на пари. Мишень – горящая сигарета, вставленная в мундштук. Побеждал тот, кто перебивал сигарету ближе к мундштуку, не повредив его. Проигравший покупал коробку шоколада. Так пишут биографы.

В мае 1937 г. П.Е. Дыбенко получил назначение в Ленинградский военный округ. Отбывая к новому месту службы, исполняющим обязанности командующего Приволжским округом назначил своим приказом Ефремова.

Их дружба вскоре, со всеми её подробностями, темами бесед, связями и прочим, станет предметом пристального интереса следователей НКВД...

Ему присвоили очередное воинское звание, комкор, и назначили командующим Приволжским военным округом. Но вскоре направили в другой военный округ – Забайкальский. В Куйбышеве его сменит сам маршал Тухачевский, неожиданно освобождённый от должности первого заместителя наркома обороны. Вот уж странное назначение, думал тогда Ефремов. На место комкора – маршал. С понижением. Что-то в стране происходило, чего он пока понять не мог. Разговаривать на эту тему, даже с близкими ему людьми, кому безгранично доверял, не любил. А любителям поговорить на эту тему замечал не без иронии: бережёного бог бережёт, а болтуна конвой стережёт...

И Мироныч погиб совершенно нелепо и непонятно.

Служба, однако, в Забайкалье оказалась недолгой. И прервана она была телефонограммой наркома обороны К.Е. Ворошилова: срочно прибыть в Москву.

Ехал в Москву и думал: или новое назначение, или суд скорый... В стране шли аресты. Уже расстреляны маршал Тухачевский, начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе командарм II ранга Корк, командующий Белорусским военным округом командарм I ранга Уборевич. Уборевича тоже вызвали в Москву звонком и ссадили с поезда в пути, в Вязьме, а в Москву привезли на «Маруське» и – прямо на Лубянку, во внутреннюю тюрьму НКВД... Замнаркома обороны и Начальник Политуправления РККА Гамарник был поспешно уволен из армии и застрелился. Газеты писали: «Бывший член ЦК РКП/б/ Я.Б. Гамарник, запутав-

¹² В те годы считали военный конфликт с Англией более вероятным, чем с Германией, потому академический курс выстраивали в соответствующем направлении. М.Г. Ефремов впоследствии не раз пожалует, что изучать довелось не тот язык...

¹³ ЦАМО. Личное дело М.Г. Ефремова. Д. № 1780368.

¹⁴ Там же.

шись в своих связях с антисоветскими элементами и видимо боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством». Расстрелян начальник Управления по начсоставу РККА комкор Б.М. Фельдман. Командующий Киевским военным округом командарм I ранга Якир. Эйдеман, Примаков, Гай, Фельдман. Военно-троцкистский заговор... Все были признаны виновными. Измена родине... Измена Рабоче-Крестьянской Красной Армии... В составе Верховного суда, который рассматривал дело, Блюхер, Шапошников, Будённый, Дыбенко. Ошибки быть не могло. В «Правде» был опубликован полный список заговорщиков и приговор.

Вспомнилось лето 1921 г. ... Тамбовщина... Операцией по ликвидации банд Антонова руководил тогда Тухачевский. Требовал жестоких мер. Выговаривал и ему, Ефремову, что либеральничает с мужиками. Вспомнился вырезанный под Златовкой Коммунистический интернациональный отряд имени Троцкого. У многих убитых торчали вилы. В одном селе крестьяне ему рассказали: Герасим Павлович Антонов – бывший народный учитель, а с ним ещё двое – Авдеич, бывший прапорщик Авдеев, и Тулуп, парень из крестьян. Никакого зла, мол, им Антонов не чинит. А вот от губпродкомиссара Гольдина, который сидит в Тамбове и рассылает во все уезды и волости свои отряды, спасу нет. Зерно осенью из амбаров выгребли всё подчистую! А зимой от голода дети перемерли...

С Якиром вместе служил друг детства Ефремова комбриг Д.Г. Егоров. После расстрела троцкистов 12 июня прошлого года в округе начались аресты. Даниила начали трепать по партийной линии. Нагрянула проверка. В отчётах появилось нелепое: «Враг народа...» Обо всём этом Ефремову рассказал Павел Егоров. Тогда начали думать: что можно сделать, чтобы отклонить абсурдное обвинение, спасти друга и брата. И Ефремов послал на имя С.К. Тимошенко¹⁵, который командовал Киевским военным округом, хороший отзыв о Егорове. Он написал, что комбриг Д.Г. Егоров – честный, преданный родине офицер, что знает его с детских лет, что служил с ним вместе в Карелии во время карело-финской войны 1922 г., что ручается за него. Тогда это подействовало. Дело закрыли.

А недавно арестован Павел Ефимович Дыбенко. Судьба его неизвестна. Заместитель командующего Приволжским округом Кутяков, с которым впоследствии они вместе учились в Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачёва, уже расстрелян. Вот уж кто любил поговорить на эту тему. Из них троих, игравших в тире на пари, на коробку шоколада, на свободе, при должности и орденах остался только он один.

В прошлом году, летом, этот громкий процесс и расстрел. «Военно-троцкистский заговор». Тогда в какое-то мгновение он тоже поверил в заговор. Но когда начались аресты в нижних эшелонах, когда люди из ведомства Ежова начали выхватывать командиров корпусов, дивизий... Ефремов хорошо знал комкора Кутякова. Какой он враг народа? Болтун – да. Но враг народа... Говорят-то другое, что Клим с Семёном испугались оппозиции, что их скоро потеснят люди помоложе. Вот и бросили в атаку свою Первую конную... Ефремов давно знал о неприязни Ворошилова к Тухачевскому. Избавился Клим от ненавистного ему «красавчика-дворянчика». В 1928 г., когда из Москвы с Казанского вокзала в запёртом вагоне был выдворен Троцкий, именно Ворошилов и Будённый настояли перед Сталиным, чтобы следом за своим покровителем из Москвы убрался и Тухачевский. Что и говорить, конечно, Тухачевский провалил Варшавскую операцию, и Первая конная кое-как спасала положение. Но судили-то его не за варшавский разгром...

¹⁵ Тимошенко Семён Константинович (1895–1970) – Маршал Советского Союза (1940). Дважды Герой Советского Союза. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил Высшие академические курсы. Во время войны заместитель наркома обороны. Командовал Сталинградским, Северо-Западными фронтами. Как представитель Ставки координировал действия Ленинградского, Волховского фронтов, Северо-Кавказского и других фронтов, а также Черноморского флота. Награждён пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, пятью орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, орденом «Победа».

Поезд, наконец, прибыл на Павелецкий вокзал. На вокзале Ефремова встречал порученец Генерального штаба и тут же на машине доставил к гостинице «Москва». Обычно Ефремов останавливался у родителей жены. Клавдия Тиховна и Василий Фёдорович Воеводкины были добрыми и гостеприимными людьми и после того, как их дочь ушла к другому, начав новую жизнь, никакого предубеждения к бывшему зятю не испытывали. К тому же здесь Ефремов мог общаться с сыном Мишей, по которому очень скучал. Но теперь сопровождавший его офицер вежливо посоветовал комкору за пределы гостиницы пока, до особого распоряжения, не выходить. Ефремов тут же поинтересовался, кто, какое ведомство обладает этим правом, особого распоряжения. И тут же получил ответ:

– НКВД.

А уже через час к нему в номер постучался офицер в форме НКВД и представился следователем по делу бывшего командующего Ленинградским военным округом...

Два с половиной месяца домашнего ареста, проведённые им в гостинице «Москва», были целой жизнью. Ещё одной, чудовищной, мучительной, которую, впрочем, он прожил тоже вполне достойно. Не смалодушничал, никого не оговорил.

Два с половиной месяца следователь задавал ему вопросы, по пять-десять раз одни и те же. То ли провоцировал Ефремова на взрыв, то ли сознательно, методично ломал его, склоняя подчиниться обстоятельствам, потому как, мол, весь ход событий, все показания обвиняемого Дыбенко сводятся к тому, что он, Ефремов, тоже участник заговора против Сталина, родины, РККА. Но и у Ефремова было достаточно хладнокровия, твёрдости и убеждённости в том, что вздор не может стать правдой, если даже его повторить тысячу раз.

Пока он не мог понять, в каком качестве его допрашивают: как свидетеля или как обвиняемого. В гостиницу с Лубянки за ним приезжали на машине. После очередного допроса или очной ставки снова увозили назад, в гостиницу, в той же машине.

Особенно потрясла Ефремова первая встреча с Дыбенко. Борода и усы были сбриты. И в первое мгновение он даже не узнал своего бывшего командира. Испуганный взгляд. Дрожащие руки. Ссутулившаяся спина и будто провалившиеся плечи. И такой же дрожащий голос, которым он лепетал невообразимое...

– Прошу вас, – с едва заметной улыбкой внутреннего торжества победителя сказал следователь, – повторите то, в чём вы признались. Я имею в виду показания в отношении товарища Ефремова, которые вы подписали.

Дыбенко какое-то время молча смотрел в угол и потом, когда следователь задвигал под столом ногами, проявляя явное нетерпение, откашлялся и, не поднимая глаз, тихо, без всякой интонации, сказал:

– Признаю, что я завербован и что завербовал также своего друга, бывшего подчинённого комкора Ефремова Михаила Григорьевича. Произошло это в Куйбышеве, в апреле, в прошлом году.

– Павел Ефимович! – Ефремов вскочил со стула, но тут же услышал жёсткий окрик сесть на место, и уже спокойно спросил, глядя на дрожащего Дыбенко: – Зачем вы меня оговариваете, товарищ Дыбенко? Ведь это не поможет вам!

Когда следователь приказал увести Дыбенко, после некоторой паузы задал ему такой вопрос, который тоже, изо дня в день, будет методично повторяться все эти два с половиной месяца:

– Вы будете давать чистосердечные признания в совершённом вами преступлении?

И он твёрдо ответит:

– То, о чём вы говорите, злой навет и вздор!

И так – два с половиной месяца.

Пережитое в те дни и ночи в гостиничном номере и кабинете следователя НКВД потом долго будет напоминать о себе жуткими ночными кошмарами.

В другой раз следователь заговорил с ним иным тоном.

– Послушайте, Михаил Григорьевич, вы ведь только вовлечены в заговор. И, я думаю, суд учтёт, что степень вашей вины не столь велика, чтобы за это лишать вас всего того, чего вы добились трудом и кровью. Добровольное признание и искреннее раскаяние будут свидетельствовать в вашу пользу как самый главный аргумент во всей этой истории.

Эге, братец, смекнул Ефремов, ведь и я в тактике и стратегии кое-что смыслю. И даже академию окончил. И имею прекрасную аттестацию, подписанную самим Шапошниковым. Не тебе мне ловушки расставлять. И ответил коротко:

– Наговаривать на себя не буду ни при каких обстоятельствах.

17 апреля 1938 г. в опостылевшем комфортабельном номере самой дорогой в Москве гостиницы, после тяжких размышлений, он написал своим размашистым почерком письмо Ворошилову. Вначале он хотел обратиться лично к Сталину. Но вдруг почувствовал, что этого делать не надо. Обратившись непосредственно к Сталину, он сразу же вывел бы влиятельнейшего Ворошилова из своих потенциальных союзников и возможных спасителей. Клим, получив письмо, обязательно покажет его и хозяину.

«КЛИМЕНТ ЕФРЕМОВИЧ!

Последнее моё слово к Вам. Пусть оно будет и к тов. Сталину. Я перед партией Ленина – Сталина, перед страной, советским правительством совершенно чист. Отдавал жизнь за твердыни Советской власти и в годы Гражданской войны, и в национально-освободительной войне китайского народа против империалистов. И в любое время готов драться с врагами с такою же беззаветной преданностью и храбростью, как и раньше.

Если верите мне, то спасите от клеветы врагов народа. Их клевета, возведённая на меня, ни одним фактом не подтвердится. Я для партии большевистской был и остаюсь её верным сыном. Время и мои дела это подтверждают на любом посту и при любой опасности. В любое боевое пекло можете послать меня – или погибну смертью храбрых, или возвращусь к Вам, и Вы встретите меня с объятиями.

Лгать на себя не могу, используя Ваше ко мне отношение и исключительное внимание и заботу. Я за эти дни так исстрадался, что буду рад любому Вашему решению в отношении меня.

Я отнюдь не сомневаюсь, что если бы я был замешан в чём-либо нехорошем, я был бы прощён после того, как чистосердечно принёс бы раскаяние моё Вам, но, повторяю, наговаривать на себя просто не могу.

Прошу простить меня за принесённую Вам заботу. Мне тяжело невероятно!

Всегда Ваш – Ефремов М.

17.04.38»¹⁶.

Ворошилов прочитал это письмо и, как и предполагал Ефремов, передал на ознакомление Сталину¹⁷.

Потом, через месяц, он написал другое письмо – А.И. Микояну. В апреле 1920 г. они вдвоём стояли на бронированной площадке бронепоезда «III Интернационал». Бронепоезд возглавлял колонну атакующих. Они летели вперёд, юные, бесстрашные, окрылённые общим порывом во что бы то ни стало выполнить задание командования, ещё не зная, чем закончится их атака.

¹⁶ ЦГАРА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1048. Л. 169.

¹⁷ То, что Сталин читал это письмо М.Г. Ефремова, подтверждает резолюция, сделанная рукой К.Е. Ворошилова на обороте письма: «т. Сталину. Направляю копию записки Ефремова на моё имя. К. Ворошилов. 19.IV.38». А также – разговор, который вскоре состоялся в кабинете наркома обороны, в котором участвовали: Сталин, Ефремов, Ворошилов, Микоян и следователь НКВД по делу П.Е. Дыбенко, и в ходе которого, по существу, была решена судьба М.Г. Ефремова.

И его рука невольно вывела:

«ДОРОГОЙ АНАСТАС ИВАНОВИЧ!

Обращаюсь к Вам, как к единственному боевому товарищу моему, который лично видел в боевой обстановке мою преданность...

...Убедительно прошу Вас вызвать к себе и выслушать меня. Вся клевета на меня будет опровергнута, и не будет в отношении меня в дальнейшем никаких сомнений.

...Я не виновен.

Ваш Ефремов Михаил.

20.05.38 г. (Москва, гостиница «Москва», комната № 407, тел. К 3—09—42)»¹⁸.

То ли пришло время и Сталин решил разобраться в деле Ефремова сам и поставить окончательную точку затянувшемуся разбирательству. То ли действительно сработал энергичный А.И. Микоян, понимая, что, если следом за Дыбенко будет расстрелян и «враг народа» Ефремов, то из библиотек и программ военных академий будет изъят опубликованный и ставший классикой советского военного искусства рейд бронепоездов в операции по освобождению города Баку от мусаватистов и англичан. Среди организаторов и командиров этого рейда одним из первых значится имя А.И. Микояна. Нельзя, видимо, решил он, так расточительно поступать с героическими страницами своей биографии, которая уже давно слилась с биографией страны...

Как бы там ни было, но вскоре в кабинете наркома обороны К.Е. Ворошилова состоялась встреча пяти: И.В. Сталина, М.Г. Ефремова, К.Е. Ворошилова, А.И. Микояна и следователя НКВД.

Сталин ознакомился со всеми документами пухлой папки, представленной для разбирательства следователем НКВД. Накануне он прочитал с заключение партийной комиссии, которая напрочь отвергла обвинения в адрес Ефремова.

Начался разговор. Сталин сказал, что Дыбенко всё же упорно свидетельствует о виновности Ефремова. Как быть с этим? Ефремов тут же отреагировал, что Дыбенко находится в крайне подавленном состоянии духа, что в данном случае можно вести речь не об аргументах в пользу вымышленной его, Ефремова, вины, а о полном умопомрачении обвиняемого. Сталин вскинул глаза. И ткнул пальцем в документы, якобы подписанные Ефремовым и свидетельствующие о его участии в заговоре против Сталина и правительства.

— Я этого не подписывал, — сказал Ефремов. — Это не моя рука.

— Как вы можете это доказать?

— Я бывший гравёр. И хорошо вижу отличительные и характерные черты любого почерка, каждой буквы, — сказал Ефремов, тут же взял бумагу, карандаш и начал писать слова и буквы, сразу же поясняя, где и в чём допущены ошибки фальсификатором «документа».

Рассказывая потом эту историю сыну Ефремова Михаилу Михайловичу, А.И. Микоян справедливо заметил, что это была ещё одна битва героя взятия Баку — отважная битва за жизнь!

Ефремов настолько убедительно и настолько наглядно опровергал одно обвинение за другим, настолько бесхитростно и естественно излагал свои аргументы и приводил всё новые и новые факты, свидетельствующие о полной несостоятельности выдвинутых обвинений, что напряжённая обстановка вскоре разрядилась смехом. И ещё он был внешне совершенно спокоен. Как в бою. Это он выработал в себе ещё на батарее в Галиции. На всю жизнь. Потом, через четыре года, под Вязьмой, именно это спокойствие и умение держать себя в руках, не теряться в самые трудные минуты и будет восхищать его подчинённых. И многие

¹⁸ ЦГАРА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1048. Л. 252.

запомнят своего командарма в последние дни, часы и минуты его жизни именно таким – спокойным, сосредоточенным, действующим.

Ворошилов и Микоян в один голос твердили о «плохой работе» следователя. В какой-то момент, воспользовавшись потеплением общей атмосферы разговора, Микоян воскликнул:

– Иосиф Виссарионович, освободите Ефремова под мою ответственность!

Сталин снова вскинул глаза. Улыбки исчезли с лиц. И он задал вопрос, который уже предполагал ответ, но Сталину хотелось услышать, что же скажет этот упорный и спокойный комкор, к которому он испытывал явные симпатии и в виновность которого не верил с самого начала. Он спросил:

– Скажите, верна ли версия следователей, что вы, Ефремов, могли предать Советскую власть?

– Как же я могу предать власть, которая меня, сына батрака, поставила на ноги, выучила, воспитала и доверила высокий пост командующего военным округом?! Я, товарищ Сталин, не могу предать такую власть.

И тогда Сталин снова улыбнулся. Ответ ему понравился. Он посмотрел на Ефремова и подумал: этот комкор умеет держать свою позицию.

И только в лице следователя не дрогнул ни один мускул. Дело рассыпалось. А это могло угрожать большими неприятностями и ведомству, к которому он принадлежал и которое здесь представлял, и лично ему. Ведь что стоит хозяину и этого кабинета, и другого, повыше, сказать между прочим его шефу о плохой работе следователя по делу Дыбенко – Ефремова...

– Товарищ Ефремов, – с улыбкой на изрытом оспой лице сказал Сталин. – Мы подумали и решили поручить вам Орловский военный округ. В Читу вам ехать не надо. Поезжайте прямо в Орёл, принимайте дела округа. Округ только что создан и дел там много. А этому... – Сталин снова усмехнулся в усы. – Этому делу место не в архиве... Клим, – обратился он к хозяину кабинета, – ты сюда бросаешь ненужные бумаги? – И Сталин бросил папку в корзину, стоящую у стола.

Следователь мгновенно сорвался со стула, поймал брошенную Сталиным папку, но, увидев его холодный взгляд и неодобрительный жест, тут же спохватился, завязал красные тесёмки папки и сунул её в корзину.

Делом Дыбенко и Ефремова занимались следователи-«колуны» Ямницкий и Казакевич. Вскоре, буквально через несколько месяцев, когда на посту наркома НКВД Ежова сменил Берия, Ямницкого расстреляют. Казакевич выживет и при Берии. И в 1948 г. в звании полковника выйдет в отставку с хорошей пенсией. В кабинете же Ворошилова присутствовал кто-то третий, чином повыше.

В гостиницу «Москва», в ненавистный номер, Ефремов возвращался пешком. Как хорошо и свободно было на душе!

В гостиничном коридоре его уже ждал сын Миша. Все эти дни он приходил к нему и был, пожалуй, единственным желанным гостем и собеседником. Миша жил у бабушки с дедушкой. Приносил пироги, которые передавала заботливая Клавдия Тихоновна, его несостоявшаяся тёща, которую он уважал и любил, как мать. Миша был связующим звеном той нарушенной цепи, которая все эти два с половиной месяца, оборвавшись совершенно внезапно, разделила жизнь на две части. И одна часть, замкнутая здесь, в роскоши номера класса «люкс», очень быстро стала тонуть в чёрных водах абсурда, хлынувшего через все видимые и невидимые щели бытия. Но Ефремов, всегда, в любых обстоятельствах, умевший вовремя обнаружить опасность, решил не сдаваться и теперь. Как хорошо, что рядом был Миша!

Миша был больше похож на мать. Почти ничего ефремовского, взглядываясь в лицо и фигуру сына, думал Ефремов. У всех Ефремовых носы так носы, а у этого... Мама. Ефремов вздохнул. И ростом не в него. Разве что осанка его. Да целеустремлённость. Ефремов знал,

что сын после школы мечтает поступить в бронетанковое училище. Правда, выбор сына Ефремов не разделял. Видел: характер не тот, слишком романтичный, мамин характер.

Но сын станет военным. И будет лейтенантом воевать в Карелии, а потом в 33-й армии. Уже после отца.

– Миша, сынок, – сказал он сыну, когда тот впервые навестил его в гостинице, – принеси мне что-нибудь почитать.

– Что?

– А что вы сейчас изучаете в школе?

– Толстого. «Война и мир». Пушкина.

– Вот их и носи. И военные журналы. Список я тебе дам.

И Миша стал его книгоношей.

Ефремов не спал ночами. И, если бы не журналы и книги, он сошёл бы с ума. Толстой... Он впервые читал «Войну и мир» так, как эту книгу нужно было читать и понимать. Старый князь Болконский... Как он любил свою родину! И умер вовсе не от старости, а оттого, что враг вступил в его Отечество и не находилось силы, чтобы остановить его. А капитан Тушин. Вот у кого надо учиться твёрдости и чести. Настоящий русский офицер. Нет, думал он, стиснув зубы, надо жить, надо сражаться и не уступать врагу ни пяди своей территории. Я этой сволочи ничего не подпишу! Ничего!

– Миша, сынок, спасибо тебе, – шептал он, как молитву, отложив на столик книгу и выключив ночник под жёлтым шёлковым абажуром.

А через месяц М.И. Калинин вручил Ефремову орден Ленина: за выдающиеся успехи в боевой и политической подготовке войск. А также юбилейную медаль «20 лет РККА», которой Михаил Григорьевич гордился особенно.

4 мая 1939 г. во время очередных учений войск Орловского военного округа случилось ЧП: в реку упал самолёт Р-5. Бойцы и командиры тут же бросились спасать лётчиков. Все были спасены, никто не погиб. В приказе М.Г. Ефремов писал: «Бойцы и командиры проявили чувство долга воина и гражданина, спасая самое ценное для нашей страны – жизнь человека»¹⁹.

Все, участвовавшие в спасении лётчиков, были отмечены благодарностью в приказе. И это тоже было учёбой. Серьёзной учёбой перед суровыми испытаниями. Во время боёв бойцы-пехотинцы, зачастую рискуя жизнью, будут вытаскивать из горящих самолётов и танков лётчиков и танкистов, не отдавая их ни врагу, ни смерти.

Членом Военного совета округа в это время служил корпусной комиссар Ф.А. Семеновский. Они сохранят дружбу на всю жизнь. Погибнут в одной местности. И будут похоронены рядом. Но это тоже будет уже потом...

В декабре 1939 г. Ефремову было присвоено очередное воинское звание командарма 2-го ранга.

7 мая 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР своим Указом ввёл генеральские воинские звания для лиц высшего начальствующего состава Красной Армии. В соответствии с этим Указом М.Г. Ефремову было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Вскоре Ефремов был назначен командующим войсками Северо-Кавказского, а затем Закавказского военных округов.

Июнь 1941 г. Застал его в должности первого заместителя генерал-инспектора пехоты РККА. 22 июня он подал рапорт наркому обороны Маршалу СССР С.К. Тимошенко с просьбой направить его на фронт в действующую армию в любой должности на любой участок.

Ответа не последовало.

¹⁹ ЦАМО. Ф. 25887. Оп. 39. Д. 1372. Л. 582.

Знал, что многие его боевые товарищи и сослуживцы воюют. Пришло известие, что 14-й корпус, которым командует Даниил Егоров, своей 51-й сд на судах Дунайской речной флотилии атаковал позиции румынской армии, захватил большие трофеи.

В начале июля, так и не дождавшись ответа на первый свой рапорт, Ефремов подал второй – на имя председателя Государственного Комитета Обороны СССР И.В. Сталина.

В конце июля Ефремова вызвал начальник Генерального штаба Жуков и вручил предписание о назначении его на должность командующего 21-й армией. Поставил задачу: активными действиями сковать силы противника, действующего против фронта 21-й армии, и тем самым ослабить его наступление на Смоленском направлении. Глухая оборона. Наступать осторожно, только ограниченными силами на отдельных направлениях. Жуков предупредил, что соседи у него более слабые. Многие корпуса и дивизии недавно вышли из окружения, приводят себя в порядок.

К тому времени 21-я представляла собой весьма крупное соединение – 20, 28, 63 и 67-й стрелковые корпуса, 25-й механизированный корпус, 50-й и 55-я танковые дивизии, 219-я моторизованная дивизия и 696-й полк ПТО. 162 тысячи человек. Сила. Начальник штаба армии генерал-майор Гордов²⁰ доложил обстановку, расположение дивизий. И сразу же поехали на передовую, в войска. Гордов Ефремову понравился: оперативную обстановку знает хорошо, все акценты расставляет точно, недостатки не замазывает, правде в глаза умеет смотреть открыто. Они ехали тогда по пыльной дороге в сторону Рогачёва, разговаривали и не знали, что судьба проведёт их по одним и тем же дорогам. Что вскоре после гибели Ефремова под Вязьмой Гордов примет 33-ю армию и будет воевать с теми офицерами и солдатами, с которыми Ефремов держал фронт в 1941 г. под Наро-Фоминском, а в 1942 г. по январскому снегу маршем двинется на Вязьму. Что сразу после войны его направят на работу в Приволжский военный округ, в Куйбышев, где и прервётся его в общем-то блестящая карьера.

Прибыли в штаб 63-го ск, который в предыдущих боях особенно отличился и на который снова ложилась основная тяжесть теперь уже оборонительных боёв. Корпусом командовал генерал Петровский²¹.

Ефремов знал его историю. Помнил и бывший свой 63-й корпус. Был знаком со многими из командиров дивизий и полков. Наслышан был о новом командующем и Петровский. Но о своём недавнем прошлом ни во время этой встречи, ни потом, когда оставались одни

²⁰ Гордов Василий Николаевич (1896–1951) – генерал-полковник (1943). Герой Советского Союза. В армии с 1918 г. В Гражданскую войну командир полка. Окончил курсы «Выстрел», затем Военную академию им. М.В. Фрунзе. В начале войны – генерал-майор. Начальник штаба, а затем командующий 21-й армией. С июля по август 1942 г. командующий Сталинградским фронтом. В октябре 1942 г. он примет 33-ю армию, в которой будет ещё много офицеров и солдат, воевавших под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова. В апреле 1944 г. – 3-ю гвардейскую, с которой и закончит войну. После войны командовал войсками ряда военных округов, в том числе Приволжским, куда прибудет в июле 1945 г. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды. В 1947 г. арестован вместе с женой Т.В. Гурьевой-Гордовой. Жена дала на него показания, которые и стали формальной причиной того, что 24 августа 1950 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его, а также бывшего Маршала Советского Союза, к тому времени разжалованного в генерал-майоры, Григория Ивановича Кулика и генерала Филиппа Трофимовича Рыбальченко к расстрелу – за «антисоветскую деятельность, за изменнические и террористические намерения». Где приведён в исполнение приговор и где закопаны их тела, неизвестно.

²¹ Петровский Леонид Григорьевич (1902–1941) – генерал-лейтенант. В армии с 1918 по 1938 г. В Гражданскую войну командовал полком. В 1922 г. окончил Военную академию РККА. В 1928 г. – Курсы усовершенствования высшего командного состава. В 1938 г. уволен из рядов РККА и арестован. Ему помог случай: вскоре (7 декабря 1938 г.) в должность наркома НКВД вступил Л.П. Берия и начались чистки в рядах самих чистильщиков, а также пересмотр многих дел. В 1940 г. комкор, командир 63-го ск Приволжского военного округа. Корпус переброшен на запад и вошёл в состав 21-й армии. В июле блестяще контратаковал на Рогачёв и Жлобин, отбив у немцев эти города. В августе 1941 г. был назначен командующим 21-й армией. Но в должность вступить не успел. Корпус находился в окружении. При выходе из окружения 17 августа Петровский был убит во время прорыва. Награждён орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени (посмертно), Красной Звезды. На могиле Петровского в д. Старая Рудня Жлобинского района Гомельской области установлен памятник.

и речь заходила о доме и друзьях, они не проронили ни слова. Бережёного бог бережёт, а болтливого конвой стережёт...

Глава вторая Под Гомелем и Брянском

Август 1941 г. Гибель генерала Петровского. Ликвидация Центрального фронта. Донос Пономаренко: «Он хвостун и лгун». Ответ Сталина: «Вы член Военного совета, а не наблюдатель...» Почему генерал Ефремов не стал пить водку с генералом Ерёменко. Формирование 10-й армии. Вызов в распоряжение Ставки

8 августа из Ставки пришла телефонограмма о его новом назначении: он вступал в должность командующего Центральным фронтом. Дела ему передавал генерал-полковник Кузнецов²², которого переводили с понижением в Крым – на 51-ю армию. Снова Ефремову пришлось принимать у Кузнецова дела. Две недели назад, прибыв в 21-ю, он сменял на посту командарма именно его, Фёдора Исидоровича. Ставку не устраивала медлительность и нерасторопность Кузнецова, его нерешительность как командующего соединением, которое сейчас должно было схватиться с крупнейшей группировкой противника, уже сконцентрированной в исходных районах и изготовившейся для удара.

Центральный фронт в тот период состоял из трёх армий: 21, 13 и 3-й. Самой боеспособной была 21-я. 13-ю генерал Голубев²³ только что вывел из окружения. В таком же положении находилась и 3-я. Приводили себя в порядок, пополнялись маршевыми ротами и призывниками, набранными в близлежащих районах военкоматами.

9 августа немцы атаковали. На участке ослабленной 13-й армии, прорвали фронт и ввели в брешь более 100 танков с пехотой. Голубев запросил разрешение на отход, в противном случае армии грозил полный разгром. Ефремов разрешил отход и срочно перебросил туда, под Хотимск, 155-ю сд из состава 21-й армии. Если бы этот маневр запоздал, 45-й ск 13-й армии был бы раздавлен в окружении.

Остроту и трагизм событий тех дней может проиллюстрировать фрагмент из боевого донесения командарма 13 в штаб Центрального фронта. Генерал Голубев, только что вырвавший основные силы своих дивизий из окружения, сообщал следующее: «Армия вынуждена действовать при наличии противника с северо-востока и запада. Реальные силы армии – 155-я сд, 52-я кд, слабые части 4-го вдк и 50-й тд, которые в общей сложности имеют около 1600 штыков и 20 танков. Остальные силы ведут бой в окружении в районе Климовичей или выходят из окружения мелкими частями. В некоторых полках осталось по 100–150 штыков. Свои возможности формирования новых частей за счёт тылов исчерпаны включительно до сапёров и связистов. Оружие также не получаем»²⁴.

²² Кузнецов Фёдор Исидорович (1898–1961) – генерал-полковник. В армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Участвовал в советско-финляндской войне. С 1940 по 1941 г. командовал войсками Прибалтийского Особого военного округа. В ходе войны командовал Северо-Западным фронтом, 21-й армией, Центральным фронтом, 51-й армией. Затем был начальником штаба 28-й армии. Заместителем командующего Западным фронтом. Командовал 61-й армией. С апреля 1942 г. начальник Военной академии Генштаба. Затем заместитель командующего войсками Уральского военного округа. Награждён двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Красной Звезды. Командовал войсками Волховского, Карельского фронтов.

²³ Голубев Константин Дмитриевич (1896–1956) – генерал-лейтенант. (1942). В армии с 1918 г. В Гражданскую войну помощник командира полка. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе и Военную академию Генштаба. С 1939 г. на преподавательской работе в Военной академии им. М.В. Фрунзе. В июне 1941 г. генерал-майор. В ходе войны командовал 10-й, 13-й, с октября 1941 по май 1944 г. – 43-й армиями. Затем в распоряжении Ставки ВГК. В 1944–1949 г. заместитель и 1-й заместитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан. Награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й степени. Весной 1942 г. на глазах у Голубева, практически перед фронтом его дивизий, под Юхновом, будет умирать 33-я армия во главе с бывшим его комфронта.

²⁴ ЦАМО. Ф. 226. Оп. 648. Д. 24. Л. 8.

Во время этих боёв произошло событие, которое впоследствии войдёт в историю Великой Отечественной войны отдельным эпизодом. Но никто из историков и военных писателей не связывал его с тем, что произойдёт под Вязьмой в апреле 1942 г. А связь, между тем, прямая. Судьба командира 63-го ск генерал-лейтенанта Петровского и судьба командующего 33-й армией генерал-лейтенанта Ефремова сойдутся в наивысшей точке проявления человеческого мужества и солдатского долга – в смерти.

63-й корпус 21-й армии тем временем дрался в полном окружении. Немцы настолько плотно закрыли горловину окружения, что стало понятно: корпусу в полном составе не пробиться. Ефремов, исчерпав все возможные средства вызволить из кольца обречённых на гибель и плен, послал в окружённую группировку самолёт. Накануне во время авианалёта на штаб 21-й армии был ранен исполняющий обязанности командующего генерал-майор Гордов. Лётчик, направленный к Петровскому, имел пакет с приказом, в котором, в частности, было и следующее: «...2. В командование 21-й армией немедленно вступить комкору – 63, генерал-лейтенанту Петровскому.

3. В командование 63 ск вступить командиру по назначению Петровского.

4. О допущенном командире для командования 63 ск Петровскому немедленно доложить Военному Совету фронта»²⁵.

Ефремов знал характер Петровского и поэтому рассчитывал только на то, что, получив новое назначение, тот вылетит из окружения, только чтобы выполнить приказ. Приказом о новом назначении Ефремов в какой-то мере убирал ту нравственную преграду, которую явно видел перед собой комкор.

Лётчик Р-5 выполнил приказ, благополучно приземлился у села Святое, где находился КП 63-го ск, вручил Петровскому приказ комфронта. Тот прочитал его и на обороте написал, что просит командующего отложить его назначение до выходы корпуса из окружения.

Когда самолёт вернулся назад, начштаба генерал Сандалов²⁶ с горечью сказал Ефремову:

– Петровский не выполнил приказ. Зря.

Ефремов внимательно посмотрел на своего начштаба и сказал:

– Петровский – настоящий офицер. И до того, как получить наш приказ, он отдал себе свой. И сейчас его исполняет. Как офицер, он имеет на это право.

В районе Чеботовичей близ Гомеля Петровский сосредоточил два полка 154-й и остатки 232-й сд. И пошли на прорыв через порядки немецкой 154-й пехотной дивизии. Комкор погиб в бою при прорыве.

Центральный фронт просуществовал недолго, 25 августа он был расформирован, а управление и войска переданы Брянскому фронту.

Перед тем как фронт был расформирован, произошло событие, о котором следует рассказать особо.

Военные люди на войне воюют. Солдат в своём окопе. Офицеры – каждый на своём месте. Некоторые тоже в окопе, рядом с бойцами, некоторые на КП роты, батальона, полка и так далее. Но были во время Великой Отечественной войны высокопоставленные люди в военной форме, которые всегда видели проблему гораздо шире фронта того соединения, представлять от имени Ставки в которое были поставлены. Шире, и, главное, глубже. Статистика свидетельствует, что они получали такие же полководческие ордена,

²⁵ Там же. Л. 17.

²⁶ Сандалов Леонид Михайлович – генерал-полковник (1944). В Красной Армии с 1919 г. Участник Гражданской войны. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе и Военную академию Генштаба. В июне 1941 г. полковник. В ходе войны начштаба, затем командующий 4-й армией, начштаба Центрального, Брянского фронтов, 20-й армии, Прибалтийского и 4-го Украинского фронтов. Награждён тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени, Красной Звезды.

которые получали действительно полководцы. Я имею в виду членов Военного совета армий и фронтов. Как известно ими были Мехлис, Хрущёв, Булганин, другие. Мехлис, к примеру, умудрился получить все полководческие ордена, кроме ордена Богдана Хмельницкого. Даже Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, о котором вынужденно пойдёт речь ниже, имел полководческий орден Суворова 1-й степени. Хотя военным никогда не был. Окончил Московский институт инженеров транспорта. В 1937 г. принят в аппарат ЦК ВКП/б/. Здесь, видимо, прошёл ту партийную школу, которая и помогала ему потом в жизни добиваться высот, должностей, положения.

В августе 1941 г. Пономаренко был членом Военного совета Центрального фронта. 8 августа Ефремов принял фронт. Надо полагать, какое-то время ему потребовалось, чтобы сдать дела в 21-й армии своему заместителю и начальнику штаба Гордову. Какое-то – для того чтобы принять фронт у отбывающего в Крым Кузнецова. Войска в это время находятся в постоянных боях. А в это время, 14 августа, Пантелеймон Кондратьевич, как бдительный член Военного совета Центрального фронта, отсылает в Москву, в Ставку, на имя Сталина телеграмму следующего содержания: «Считаю абсолютно необходимым доложить Вам о следующем:

Кузнецов, будучи комфронта, всё время был связан с командармами, командирами корпусов и дивизий. Всегда точно знал обстановку на каждый момент. Малейшее шевеление частей противника становилось известно и вызывало контрмеры. В штаб непрерывно звонили с фронта. Кузнецов считал до каждого орудия и до каждой сотни человек. Люди работали с огромным напряжением, к ним предъявлялись большие требования, хотя часто в невероятно грубой форме. Пишу это не для того, чтобы оправдать Кузнецова, а для того, чтобы показать, товарищ Сталин, что делается сейчас. В штабах, несмотря на усложняющуюся обстановку, наступило успокоение. Стали нормально, а то и больше спать и ничего не знать. Звонки почти прекратились²⁷.

Руководство переведено, главным образом, на бумагу и поспекает в хвосте событиям. Положение на фронте перестаёт чувствоваться, а потом необоснованных хвастливых заявлений увеличивается. Если раньше даже действия разведывательных групп противника становились известными в ближайших штабах армий и фронта, то теперь, например, в ночь на 13-е августа 117-я дивизия, почти без причин, за ночь убежала с фронта на 30 километров, в результате чего противник занял Довск и Корму, что фронту стало известно об этом только в 11 часов утра. Штаб 21-й армии и не узнал о бегстве целой дивизии, если бы она не напёрла на штаб армии.

Товарищ Сталин, глубоко чувствуя свою ответственность²⁸, заявляю, что с Ефремовым не выйдет дело. Он хвастун и лгун, я это могу доказать. Сейчас дело с руководством стало в несколько раз хуже, и это все чувствуют. Даже командиры, страдавшие от невероятной грубости Кузнецова, между собой говорят, что с Кузнецовым было тяжело работать, но воевать можно было уверенно²⁹.

²⁷ Фронт – это вам, Пантелеймон Кондратьевич, не партийный кабинет, куда подчинённые начальники и простые партийцы будут трезвонить день и ночь, и по делу, и без дела. К тому же телефонная связь на передовой – это, как известно, источник свежей и зачастую решающей информации для разведки противника. В это время шли упорнейшие бои, погибала в окружении 154-я сд во главе с комкором Петровским.

²⁸ Конечно же, многоопытный и искушённый в придворных делах и интригах Пантелеймон Кондратьевич понимал, какую бумагу строчит Сталину и как он может её воспринять. Вот и расшаркивался, гримасничал.

²⁹ В телеграмме несколько раз, с направленным явно в одну точку упорством, называется имя предшественника Ефремова генерал-полковника Кузнецова. Чувствуется, что Пантелеймону Кондратьевичу работать с Кузнецовым было легче. История взаимоотношений Ефремова и Пономаренко, их внезапной неприязни друг к другу, пока ещё окутана историческим мраком. Но кое о чём всё же догадаться можно. Видимо, не случайно телеграмма Сталину ушла 14 августа, когда в критической ситуации оказалась часть 63-го ск, попав в окружение вместе с командиром корпуса генерал-лейтенантом Л.Г. Петровским. Главное для авторов таких сигналов наверх было привлечь внимание. А там, если пришлют комиссию и прокурорскую проверку, на виновного можно повесить всё, в том числе и гибель корпуса. Что же касается собственно

Я просил Мехлиса передать вам, что назначение Ефремова будет ошибкой, и вносил кандидатуру Ерёменко. Конечно, независимо от информации сделаем всё возможное для помощи Ефремову в улучшении руководства»³⁰.

Что же Сталин? А Сталин умел доверять тем, кто ему был предан и кому он однажды поверил. Как верно заметил историк Б.В. Соколов: «Среди тысяч своих генералов Сталин особо выделял некоторых, внимательно следил за их деятельностью, рассчитывая в будущем выдвинуть на более высокие посты. И к поступавшим на них доносам относился снисходительно, не давая делу хода»³¹.

15 августа в штаб Центрального фронта пришли сразу две шифротелеграммы от Сталина.

Первая – Пономаренко: «Вашу шифровку об Ефремове получил. Ваше поведение непонятно. Почему Вы молчали, когда снимали Кузнецова. Теперь же, всего через несколько дней после назначения Ефремова, Вы сразу определили, что он лгун, хвостун и у него ничего не выйдет. Вы член Военного совета, а не наблюдатель, и обязаны добиться повышения требовательности к командирам армий и дивизий со стороны т. Ефремова, добиться непрерывной связи с армиями, дивизиями, знать оперативную обстановку и своевременно реагировать на неё. Вы обязаны и имеете возможность заставить Ефремова работать по-настоящему.

Предлагаю Вам начистоту объясниться с Ефремовым по существу содержания Вашей шифровки, с которой я знакомлю Ефремова, и добиться того, чтобы фронтовая работа шла по-большевистски³². К вашему сведению, сообщают, что в ЦК имеются очень благоприятные отзывы об Ефремове таких товарищей, как Ворошилов и Микоян³³. Я уже не говорю о том, что Мехлис, ездивший для проверки, тоже хорошо отозвался о Ефремове»³⁴.

Вторая – Ефремову: «Я получил от Пономаренко шифровку, где он плохо отзывается о Вашей работе и думает, что Вы не сумеете руководить фронтом, так как Вы не требовательны к своим подчинённым и не умеете их подтягивать, когда это требует обстановка. Прошу Вас лично объясниться с Пономаренко и принять решительные меры к исправлению недостатков, имеющихся в Вашей работе»³⁵.

Видимо, отношения Ефремова и Пономаренко не сложились.

Ефремов прекратил во вверенных ему частях мордобой, излишнее шелестение бумагами всевозможных отчётностей. Известны случаи, когда, к примеру, в штаб дивизии из штаба армии приходит распоряжение о срочной отчётности по двадцати-тридцати пунктам, среди которых и откровенно несвоевременно-глупые. И начальник штаба вместо того, чтобы думать о том, как лучше расположить полк, распределить его силы и огневые средства, чем

последней фразы и, в частности, «даже командиры... между собой поговаривают...» – это не что иное, как обкатанное в партийном обиходе, в практике борьбы тысячи раз испытанное «мнение трудящихся». Вызывает только удивление, каким образом человек, настолько невоенный, мог получить полководческий орден Суворова 1-й степени. К примеру его боевой соратник генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, командовавший и фронтами, и армиями, был удостоен лишь 2-й степени этого ордена.

³⁰ Таким образом, можно предположить, что эта история имела и предысторию, что ещё за несколько дней до 14 августа Пантелеймон Кондратьевич ходатайствовал перед всемогущим Мехлисом о нежелательности назначения Ефремова на должность командующего фронтом. Тогда возникает естественный вопрос: когда же Ефремов успел распустить войска, что это так сильно повлияло на их боевой дух? Партийные интриги.хлопоты о себе и о своих. Ходатайства, устные и письменные. Не гнушались и клеветой, и доводами, которые трудно или даже невозможно было проверить. Ефремов был чужаком в этой особой полувоенной, полупартийной среде.РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 59. Л. 25.

³¹ Соколов Б.В. Тайны Второй мировой. М.: Вече, 2000.

³² Обратим внимание на это «по-большевистски», потому что оно потом будет время от времени появляться в подмосковных и вяземских приказах Ефремова, когда он будет командовать уже 33-й армией.

³³ Папка с красными тесёмками, которые так старательно завязал следователь НКВД в кабинете у наркома Ворошилова. Если она даже была выброшена, то это ещё не значило, что о ней забыли. Эта папка была не только в голове Ефремова, продолжая отравлять ему жизнь. Как видим, о ней помнил и Сталин.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 59. Л. 26.

³⁵ Там же.

усилить и как обеспечить, должен тратить время на эту бумажную канитель. Ефремов всё это пресёк. Видя, что штабные работники спят по три-четыре часа и от недосыпа плохо соображают и зачастую не могут ответить на элементарные вопросы или заговариваются, приказал ввести режим, который мог позволить им в условиях боёв вести нормальную штабную работу. И тут же кое-кто остался не у дел и начал искать пути, чтобы всё поставить на своё место.

По поводу всего этого можно полемизировать. Приводить доводы, контрдоводы. К примеру тот же Б.В. Соколов о конфликте и его развитии во времени пишет следующее: «...Фёдор Исидорович Кузнецов, с которым, по мнению Пономаренко, можно было «уверенно воевать», после Центрального фронта отправился командовать 51-й отдельной армией в Крыму, однако не спас её от разгрома и в начале ноября был смещён со своего поста за полную потерю управления войсками во время беспорядочного отступления от Перекопа. Вряд ли наследие, оставленное им Ефремову, было лучше крымского»³⁶.

Я не склонен разделять с историком субъективную правду последней фразы. Может, хуже, может, не лучше... Меня интересует другое. Более недоказуемое. Психологическое состояние генерала Ефремова в этот период. Прошлое настигало его. Где-то в глубине, в тёмном подсознании, со скрежетом стальных дверей шевелились красные тесёмки пухлой папки, в которой было всё: и дружба с Дыбенко и Кутяковым, и близкое знакомство с Тухачевским, и многое другое, что, в изменившихся обстоятельствах, могло агрессивно восстать против него.

Надо было со всем этим, конечно же считаться. В том числе и учитывать особенности характера и стиль работы постоянно находившегося рядом члена Военного совета. Но бить по морде подчинённых, что таким образом «их подтягивать», он не мог и в силу своего воспитания, и в силу природного характера, и в силу понимания того, каким должен быть офицер, генерал для своих подчинённых. И здесь мне сразу же вспоминаются рассказы ветеранов 33-й армии, участников одного боя, во время которого немцы окончательно замкнули кольцо окружения Западной группировки и пытались развить атаку в тыл, на уничтожение частей, захваченных врасплох. Ефремов со своим адъютантом майором Водолазовым ходил вдоль цепи залёгших солдат и командиров, спешно собранных в тылах, и спокойным голосом ставил боевую задачу. И это его несуетливое спокойствие, и уверенный голос, как вспоминал тот бой бывший партизанский связной Николай Шибалин, «придавали уверенность в том, что мы отобьёмся, не пропадём». Уже свистели пули, уже начался миномётный обстрел, а он ходил вдоль цепи и говорил: «Вот твой участок. Окапывайся. Не робей».

Итак, Центральный фронт расформирован. Немцы овладели Смоленском, Рославлем. В окружении оказались многие наши дивизии. Оставлен Гомель. Конечно, Ефремов в какой-то мере не оправдал доверия Сталина. Не остановил продвижение немцев вглубь страны.

Правда, историки теперь спорят по поводу эффективности действий армий Центрального фронта в августе 1941 г. и того, правильно ли поступила Ставка, расформировав его. Тем более что вскоре он вновь будет создан. Командующий Юго-Западным направлением Маршал Советского Союза С.М. Будённый был категорически против расформирования Центрального фронта и предлагал, наоборот, усилить его двумя-тремя армиями, о чём, кстати, постоянно просил Ставку и сам Ефремов.

Но в конце августа, когда немцы снова предприняли сильный нажим, Сталин позвонил командующему Брянским фронтом генералу Ерёмченко и задал ему несколько вопросов, в которых, как всегда, уже содержались и многие ответы.

«Не следует ли расформировать Центральный фронт?»

³⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 59. Л. 26.

3-ю армию соединить с 21-й и передать в ваше распоряжение соединённую 21-ю армию?

Мы можем послать вам на днях, завтра, в крайнем случае послезавтра, две танковые бригады с некоторым количеством КВ к ним и два-три танковых батальона. Очень ли они вам нужны?

Если вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать ещё несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?

Ерёменко:

«Моё мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и, безусловно, разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечивать. А это значит, прочно взаимодействовать с ударной группой. По этому плану 21-ю армию, соединённую с 3-й, подчинить мне... А насчёт этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся разбить, задачу, поставленную вами, выполнить, то есть разбить его»³⁷.

Ерёменко, конечно же, без усиления его группировки трудно было разбить «подлеца Гудериана». Но и с армиями бывшего Центрального фронта задачу верховного он не выполнил.

Ефремов был назначен заместителем командующего Брянского фронта. Пономаренко – членом Военного совета. Две недели назад Сталин в довольно резкой форме одёрнул Пантелеймона Кондратьевича, однако теперь поступил точно по его рекомендации: командующим Брянским фронтом был назначен Ерёменко. Отношения Ефремова и Ерёменко не сложились с самого начала. Впрочем, было бы странным, если бы они сложились.

Ну посудите сами. С одной стороны, взрывной, мужиковатый, привыкший хватать всякое дело за жабры, при это не стеснясь в средствах, Ерёменко. При нём же – *наблюдающий* и всё берущий на карандаш Пономаренко, которого, правда, вскоре заменил Мазепов. И, с другой стороны, он, Ефремов. Привыкший ещё со времён службы прапорщиком в батарее в Галиции видеть в каждом солдате человека и всегда отдававший себе отчёт в том, что, ставя командиру подразделения задачу, прежде всего необходимо обеспечить его всем необходимым для выполнения этой задачи.

Все предложения, которые вносил в ходе разработки операций и действий армий и частей Брянского фронта генерал Ефремов, отвергались командующим, зачастую в грубой форме. Ерёменко тоже чувствовал покровительство Сталина и потому на заседаниях Военного совета фронта не церемонился ни с кем.

19 сентября 1941 г., после того, как Брянский фронт пропустил через свои порядки «подлеца Гудериана» и позволил ему замкнуть «котёл» под Киевом, где были разгромлены четыре наши армии, пленено 665 тысяч человек, Ерёменко, срывая злость по поводу собственных неудач, устроил разнос члену Военного совета 13-й армии Ганенко. В архивах сохранилась донесение в Ставку ВГК самого Ганенко.

«Находясь на передовой линии фронта истекшей ночью, я с генералом Ефремовым вернулись в опергруппу штарма для разработки приказа о наступлении. Сюда прибыли командующий фронтом Ерёменко с членом Военного совета Мазеповым, при них разыгралась следующая сцена: Ерёменко, не спросив ни о чём, начал упрекать Военный совет в трусости и предательстве Родины, на мои замечания, что бросать такие тяжёлые обвинения не следует, Ерёменко бросился на меня с кулаками и несколько раз ударил по лицу, угрожал расстрелом. Я заявил – расстрелять он может, но унижать достоинства коммуниста и Депутата Верховного Совета он не имеет права. Тогда Ерёменко вынул маузер, но вмешательство Ефремова помешало ему произвести выстрел. После того он стал угрожать расстрелом Ефремову. На протяжении всей этой безобразной сцены Ерёменко истерически выкрикивал ругатель-

³⁷ ЦАМО. Ф.96-А. Оп. 2011. Д. 5. Л. 45–52.

ства, несколько остыв, Ерёменко стал хвастать, что он, якобы с одобрения Сталина, избил нескольких командиров корпусов, а одному разбил голову. Сев за стол ужинать, Ерёменко заставлял пить с ним водку Ефремова, а когда последний отказался, с ругательством стал кричать, что Ефремов к нему в оппозиции и быть у него заместителем больше не может, тем более что он не может бить в морду командиров соединений. Прошу принять Ваше решение».

Очевидно, набросившись на Ганенко, который вместе с Ефремовым прибыл с передовой, Андрей Иванович Ерёменко негодовал и на Ефремова. И Ефремов прекрасно понял, кому были адресованы «тяжёлые обвинения» в *предательстве Родины*. Но двухметровая глыба Ефремова внушала почтительное уважение даже такому драчливому забияке, как Андрей Иванович. Вот почему он не осмелился наброситься на Ефремова с кулаками, хотя обычно начинал свою атаку на очередного провинившегося именно с этого, а решил сразу стрелять. Но и выстрелить не посмел. Наверное, вовремя сообразил, что первым выстрелом может и не свалить Ефремова, и тогда тот просто задушит его своими ручищами.

Решение Сталина было следующим. Ефремова отправили в тыл, формировать 10-ю армию. Ерёменко остался на своём месте, и его фронт был вскоре разгромлен «подлецом Гудерианом». При этом был сдан Орёл, Белёв. Штаб армии был рассеян. И командование фронтом для генерала Ерёменко вскоре свелось к управлению всего лишь одной 3-й армией, к КП которой комфронта прибился со своим адъютантом на второй день после потери штаба. С разгромом Брянского фронта создалась угроза флангового удара войскам Западного и Резервного фронтов. Ставка, пытаясь спасти положение, направила в распоряжение Брянского фронта довольно значительные резервы. Но «генерал Ерёменко так и не смог наладить управление войсками, а 13 октября во время налёта немецкой авиации он был ранен. Ночью на самолёте Ерёменко переправили в Москву, а его обязанности стал исполнять начальник штаба фронта генерал Г.Ф. Захаров»³⁸.

1 октября Ефремов приступил к формированию в тылу Южного фронта 10-й армии, которая вскоре войдёт в состав Западного фронта. Но в бой она вступит с другим командующим. А его вскоре после вступления Жукова в должность командующего войсками Западного фронта вызовут в распоряжение Ставки.

³⁸ Захаров Георгий Фёдорович (1897–1957) – генерал армии (1944). В армии с 1919 г. Участник Гражданской войны. Окончил курсы «Выстрел», Военную академию им. М.В. Фрунзе, Военную академию Генштаба. В начале войны генерал-майор. Начштаба 22-й, затем командующий войсками Брянского фронта, заместитель командующего Западного фронта, начальник штаба Северо-Кавказского направления, Северо-Кавказского фронта. Заместитель командующего Сталинградского и Южного фронтов. Командовал войсками 51-й, 2-й гвардейской армий. Командующий войсками 2-го Белорусского фронта. Затем 4-й гвардейской армией. Войну закончил заместителем командующего войсками 4-го Украинского фронта. Награждён орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени, Суворова 2-й степени.

Глава третья

Подмосковная «Битва на Марне»

Оптимизм Франца Гальдера. Свежие армии, бригады и батальоны Сталина. Последний батальон или взвод? Лучшие батальоны 33-й армии Жуков перебрасывает в район действий 16-й армии. Жуков – фон Бок: схватка на жестокость. Решение фон Бока: ударить на Кубинку

Изучая историю Битвы за Москву, рассматривая её частные эпизоды и фрагменты, а затем составляя из этой, зачастую причудливой мозаики событий, единую картину, восхищаешься её величиим и ужасаешься жестокостью и упорством, с которыми обе противодействующие стороны стремились исполнить свой солдатский долг. Общая картина наряду с этим даёт представление о том, на каких направлениях и какими силами вермахт стремился завершить логику операции «Тайфун». И, одновременно, каким образом и какими средствами Красная Армия разрушила планы Гитлера на Востоке в этот момент войны, что, как известно, напрямую повлияло на общий ход и исход и Великой Отечественной, и Второй мировой войны.

На той грандиозной картине совершенно очевидно два крупномасштабных сражения, в ходе которых группа армий «Центр» стремилась выйти непосредственно к Москве и завершить окружение армий Западного фронта для последующего их уничтожения, как это произошло под Вязьмой, Рославлем и Брянском (август – октябрь 1941 г.), под Смоленском (август 1941 г.), Гомелем (август 1941 г.), Минском и Белостоком (июнь 1941 г.), где, по разным источникам, в результате ликвидации успешно созданных и намертво замкнутых «котлов» было пленено 1 419 000 бойцов и командиров Красной Армии, захвачено: 8173 танка, 11 548 орудий.

Первым сражением было Истринско-Клинское. Вторым – Наро-Фоминское.

По поводу первого начальник штаба сухопутных войск Германии (ОКХ) генерал-полковник Франц Гальдер³⁹ 18 ноября 1941 г., т. е. фактически на четвёртый день начавшегося так называемого *второго* наступления на Москву, в своём знаменитом Дневнике сделал следующую запись: «**13: 30 – Разговор с фон Бок**: Положение на фронте 13-го и 12-го армейских корпусов (4-я армия) продолжает оставаться напряжённым. Все наличные резервы направлены в 13-й армейский корпус. 258-я пехотная дивизия⁴⁰ также брошена на юг. Организовать наступление 12-го армейского корпуса во фланг противнику, атакующему 13-й армейский корпус, невозможно из-за неблагоприятных условий местности и недостатка сил.

Фон Клюге выехал на фронт, чтобы выяснить, можно ли избежать отвода наших войск на рубеж рек Протва и Лужа.

На мой вопрос, имеются ли вообще какие-то шансы на успех наступления, фон Бок ответил, что достижимой целью наступления северного фланга 4-й армии можно рассматривать пока лишь рубеж Истра – Клин. Вообще же фельдмаршал фон Бок, как и мы, считает,

³⁹ Гальдер Франц (1884–1972) – генерал-полковник. Участник Первой мировой войны. С 1938 г. – начальник Генерального штаба сухопутных сил. Принимал активное участие в создании вермахта, в подготовке и осуществлении агрессии против Польши, Франции, Великобритании, Советского Союза. После поражения вермахта под Москвой ввиду личных и оперативных разногласий с Гитлером в 1942 г. снят с этого поста. После разгрома фашистской Германии пребывал в американском плену. Будучи начальником Генштаба ОКХ вёл подробные ежедневные записи, которые после войны изданы как «Военный дневник».

⁴⁰ 258-я пехотная дивизия. Запомним этот номер. Она ещё нам встретится. Через две недели, 1 декабря 1941 г. именно ей будет отведена главная роль в атаке на порядки 33-й армии направлением на Кубинку с целью выхода на Минское шоссе.

что в настоящий момент обе стороны напрягают свои последние силы и что верх возьмёт тот, кто проявит большее упорство. Противник тоже не имеет резервов в тылу и в этом отношении наверняка находится в ещё более худшем положении, чем мы»⁴¹.

Итак, в покуда ещё оптимистичных записях Гальдера направление Истра – Клин фигурирует как направление наиболее реального успеха. Но надо заметить, что начальник штаба сухопутных войск Германии в своих планах и намерениях того периода сильно ошибался относительно «более худшего положения» войск Красной Армии. После срыва первой попытки немцев овладеть Москвой, т. е. ещё в октябре, Ставка ВГК приняла решение о формировании в тылу страны 10 резервных армий. Но, как известно, формирование армии – дело, требующее достаточно продолжительного времени, а фронт жил, дышал, сражался и требовал пополнения после каждого боя, даже локального, которые принято было именовать боями местного значения. Поэтому одновременно с формированием армий Ставка спешно создавала ещё 9 танковых бригад, 49 отдельных танковых батальонов и свыше 100 лыжных батальонов со сроком ввода в строй к 1 декабря. Кроме того, на усиление дивизий Западного и Калининского фронтов в те же сроки намечалось передать 90 тысяч маршевого пополнения⁴².

Часть этих вновь сформированных подразделений вскоре вольётся и в дивизии 33-й армии.

Резервы, направляемые Стакой на наиболее угрожаемые участки, сыграли решающую роль, т. е. ту роль, которую на них и возлагала история. 30-я армия Калининского фронта⁴³ получила четыре кавалерийские и стрелковые дивизии. 16-я и 5-я Западного фронта – две стрелковые дивизии и пять стрелковых бригад. В конце ноября на правое крыло Западного фронта на линию разграничения 3-й и 16-й была выведена и развёрнута 1-я ударная и 20-я армии резерва Ставки. 2 декабря, когда создалась угроза в центре, на Наро-Фоминском направлении (противник прорвался к Алабино) Ставка передала в распоряжение Московского военного округа (командующий генерал П. А. Артемьев) четыре стрелковые, одну кавалерийскую дивизии и семь стрелковых бригад с задачей создания внешнего оборонительного пояса столицы⁴⁴.

На северном участке Западного фронта после упорнейших боёв в районах Клина, Волоколамска, Солнечногорска и Истры, когда войска 3-й танковой группы генерала Рейнгардта подошли к Москве на расстояние пушечного выстрела, положение вскоре стабилизировалось. Контратака 1-й ударной генерала Кузнецова и 20-й армии генерала Власова увенчалась успехом. Противник был отброшен, фронт восстановлен.

В один из дней сражения на Истринско-Солнечногорском направлении Франц Гальдер занёс в свой Дневник следующую запись: «22.11.1941 г. (154-й день)

...3. Фельдмаршал фон Бок лично руководит битвой за Москву с передового командного пункта. С его невероятной энергией он всеми средствами гонит войска вперёд. Однако, как кажется, из наступления на южном фланге и в центре полосы 4-й армии ничего путного уже не выйдет. Войска здесь выдохлись. (К примеру, в моей старой 7-й дивизии одним полком командует обер-лейтенант, а батальонами – лейтенанты.) Но на северном фланге 4-й армии и 3-й танковой группы возможности для успеха ещё имеются и они используются до крайнего предела. Фон Бок сравнивает это сражение с битвой на Марне (6–9 сентября 1914 г. – *Примеч. С.М.*), когда всё решил последний брошенный в бой батальон. Враг и здесь

⁴¹ Гальдер Ф. Военный дневник 1941–1942. М. – СПб.: АСТ, 2003.

⁴² ЦАМО. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 76. Л. 24, 25; Д. 60. Л. 3—21.

⁴³ 17 ноября 1941 г. 30-я армия была передана в состав Западного фронта.

⁴⁴ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 101. Л. 1.

подбросил новые силы. Фон Бок вводит в бой всё, что только можно, в том числе и 255-ю дивизию из тылового района»⁴⁵.

В это время Ставка ВГК тоже бросала в бой все имеющиеся у неё резервы. Особенно тяжело приходилось 16-й армии. Дивизии генерала Рокоссовского буквально истекали кровью и из последних сил сдерживали атаки танков и мотопехоты противника. Очень часто *резервы* для немедленного латания дыр в более опасных местах Ставка находила в соседних армиях, на фронтах которых в это время наблюдалось относительно затишье, в том числе и в 33-й.

Подмосковная *битва на Марне* перемалывала новые и новые полки и дивизии. И судьбу её должен был решить последний батальон.

Ниже мы увидим, что счёт между противоборствующими сторонами вёлся уже не на батальоны, и не на роты даже – на взводы.

Как вскоре покажет время и обстоятельства, которые отольются потом в историю, у командующего группой армий «Центр» генерала-фельдмаршала Феодора фон Бока того последнего батальона не окажется. Не найдётся и твёрдости, а также той необходимой жестокости, которая предписывает маршалу воевать *до последнего солдата*.

Всё это найдётся у командующего Западным фронтом генерала армии Георгия Константиновича Жукова.

При этом осмелюсь предположить, что фон Боку и его генералам не хватило-то больше второго, т. е. решительности и твёрдости. Это в какой-то мере подтверждается теми же записями Гальдера, сделанными им 1.12.41. на 163-й день войны: «Невероятным для численно ослабленных частей является то, что они должны прорвать оборудованные вражеские позиции в ходе фронтального наступления. Действовать и продвигаться вперёд придётся только небольшими тактическими бросками, 12-й и 13-й армейские корпуса могут атаковать тогда, когда с противником справа и слева будет покончено.

Я подчёркиваю, что нам доставляет беспокойство также расход сил. Но следовало бы попытаться напряжением всех оставшихся сил сломить сопротивление противника. Если же станет окончательно ясно, что сделать это невозможно, надо принимать новые решения».

Весьма характерными здесь, на мой взгляд, являются фразы: «...нам доставляет беспокойство... расход сил» и «Если... сделать это невозможно, надо принимать новые решения». Немецкие генералы рефлексировали. Хотелось угодить всем. И фюреру, и истории. И при этом о себе не забыть, постараться сделать карьеру. Словом, с каждого деревца заветное яблочко сорвать... И с судьбой поторговаться, чтобы вырвать у неё побольше жизней своих солдат. Впрочем, мемуар – это не документ. Читая мемуары генералов и маршалов великой бойни XX века, с удивлением обнаруживаешь, какими человеколюбивыми людьми были все они.

У Жукова вариантов не было. Идеология и суровый смысл фразы политрука В.Г. Ключкова из 216-й сд: «Велика Россия, а отступать некуда: позади – Москва!» – относилась и к нему. Жуков не имел возможности торговаться. Ни со Сталиным, ни с историей. Он воевал. Как настоящий командующий – до последнего солдата. Зная, что последний батальон должен иметь именно он. Забегая вперёд, с сожалением всё же должен отметить, что для Ефремова, когда он будет управлять своей окружённой группировкой под Вязьмой, как раз и не найдётся в нужный момент того батальона, который бы решил и судьбу армии, и судьбу командарма. Тот не пришедший на помощь батальон резерва сохранил бы многим жизнь, а некоторым честь.

14 ноября из 33-й армии изъяты и переброшены на северное крыло Западного фронта 539-й сп 108-й сд.

⁴⁵ Гальдер Ф. Военный дневник 1941–1942. М. – СПб.: АСТ, 2003.

16 ноября в 16-ю к Рокоссовскому отбыл снятый прямо с позиций 539-й сп 108-й сд. При этом оголившийся участок фронта убывшего полка занимает всего лишь один батальон – 3-й батальон 444-го сп, прибывший сюда из района Звереве и рассредоточенный на рубеже Бараки – Яковлевское – Долгино. Батальон имел задачу прикрытия Киевского шоссе. Имея в виду то, что основной целью противника был и остаётся именно выход к важнейшим магистралям, чтобы развивать затем успех в глубину в направлении на Москву, можно сделать вывод о том, что 3-му батальону ставилась задача не из лёгких.

17 ноября командующий Западным фронтом отдал приказ командарму 33 о немедленной переброске на север в распоряжение 316-й сд 16-й армии одной роты бойцов, полностью экипированной и вооружённой, с восемнадцатью противотанковыми ружьями и боекомплект к ним. Люди были взяты из состава 1-й гв. мсд и 108-й сд.

20 ноября по приказу Ставки ВГК штаб Западного фронта вывел из состава 33-й и передал на усиление 16-й армии 108-ю сд. Когда стемнело, дивизия скрытно снялась с занимаемых позиций и в полночь головной батальон миновал уже исходный пункт деревню Рассудово, откуда и начала марш на северный участок фронта.

23 ноября туда же убыли: 3-й стрелковый батальон 6-го мсп 1-й гв. мсп, усиленный пятью танками и двумя противотанковыми орудиями.

27 ноября туда же, в 16-ю армию, направляются два батальона: 3-й стрелковый 479-го сп 222-й сд и 1-й мотострелковый 175-го мсп 1-й гв. мсд.

29 ноября Жуков снова отдаёт приказ командующим 5, 43 и 33-й армий, находящимся на «пассивных» участках обороны, выделить от каждой стрелковой дивизии по одному хорошо экипированному и вооружённому по полному штату стрелковому взводу под командой опытных лейтенантов. Они направлялись для пополнения 8, 9 и 18-й сд. Из 33-й в помощь дерущимся под Крюковым, Дмитровом и Яхромой были отправлены четыре стрелковых взвода. Ещё одна усиленная рота.

Таким образом к началу *второго* наступления группы армий «Центр» на Наро-Фоминском направлении из состава 33-й армии были изъяты полторы дивизии, пять танков Т-34, два ПТО и восемнадцать ПТР.

О качестве прибывающего пополнения, которое должно было занять опустевшие окопы, могут свидетельствовать следующие факты. 18 ноября командир 113-й сд полковник Миронов докладывал в штаб армии: «*Прибыло пополнение – 120 чел. без оружия, 300 лошадей без амуниции и 104 коновода, 20 подвод*»⁴⁶. Через девять дней в дивизию снова прибыло очередное пополнение:

365 человек – все без оружия.

А тем временем немецкая разведка работала день и ночь. Перебежчики и захваченные «языки», а также документы, найденные на поле боя в полосе атаки 3-й и 4-й танковых групп вермахта, свидетельствовали о том, что сюда в качестве пополнения прибывают не маршевые подразделения резерва, как предполагалось ранее, а части, снимаемые с других участков советской обороны. Что в результате этих перебросок значительно ослаблен фронт, занимаемый 33-й и 5-й армиями. В какое-то мгновение фон Боку, должно быть, показалось, что Жуков латает тришкин кафтан и на большее ни русский тыл, ни русский генералитет не способны. И он обратил свой пристальный взор на Наро-Фоминское направление. Что ж, параллельный удар при удачном развитии событий, может стать главным и действительно решающим. Так в штабе группы армий «Центр» родился следующий план: силами 4-й полевой армии прорвать оборону 33-й и 5-й армий в районах Звенигорода и Наро-Фоминска и, наступая по сходящимся направлениям на Кубинку и Голицыно, окружить и затем уничтожить в «котле» войска двух русских армий, составляющих центр Западного фронта. А там

⁴⁶ ЦАМО. Ф. 338. Оп. 8712. Д. 6. Л. 62.

уже открывался оперативный простор для почти беспрепятственного марша на Москву по Минскому и Киевскому шоссе.

Глава четвёртая Наро-Фоминское сражение

Комбриг Онуприенко. Прибытие в армию генерала Ефремова. Положение дивизий. Позади – Москва. Паника в столице. Без вести пропавшие и дезертиры. Одна винтовка на двоих и – ни одного автомата. 1-я гв. мсд как самое боеспособное соединение армии. Трагедия 151-й мсбр. «Устойчивость в бою слабая...» Бои за Наро-Фоминск: «Ваши действия по овладению Наро-Фоминском совершенно неправильны...» Попытка овладеть городом в ходе разведки боем 12.12.41

Хронологически Наро-Фоминское сражение началось значительно раньше 1 декабря, ещё в октябре.

13 октября 1941 г. командующий Западным фронтом отдал приказ № 0345 «О повышении стойкости войск при защите г. Москвы», который заканчивался словами: *«Ни шагу назад! Вперёд за Родину!»*. К этому времени Можайскую линию обороны и её Волоколамский, Малоярославецкий и Калужский участки занимали: 16-я (генерал К.К. Рокоссовский), 5-я (генерал Д.Д. Лелюшенко, а после его ранения – генерал Л.А. Говоров), 43-я (генерал К.Д. Голубев), 49-я армия (генерал И.Г. Захаркин). Управление 33-й армии Жуков вывел в район Наро-Фоминска, в свой резерв. Руководил управлением комбриг Д.П. Онуприенко.

Вскоре на Можайском УРе началось кровопролитное сражение. Основной удар наступающей армады группы армий «Центр» пришёлся на 5-ю армию. Противник рвался к Минской автостраде, по которой танковые и моторизованные колонны могли бы маршем двинуться на Москву.

20 октября 1941 г. в Москве и прилегающих к ней районах было введено осадное положение. Оборона столицы в стокилометровой зоне возлагалась на войска Западного фронта, а оборона города – на войска Московского гарнизона.

За три дня до этого комбриг Онуприенко получил из штаба Западного фронта приказ, подписанный Жуковым, Булганиным, Соколовским, в котором было следующее: «Штабу 33-й армии к 8.00 18.10 перейти в Бекасово, выдвинув КП – Наро-Фоминск.

2. Иметь в виду объединение командованием 33 А действие войск на Верейском и Боровском направлениях с 18.10.41 г.

3. Выслать к 6.00 18.10 делегата в штаб Западного фронта для получения приказа»⁴⁷.

На Верейском и Боровском направлениях в то время вели бои 113-я, 110-я сд и 151-я мсбр, а также 9-я танковая бригада. Они-то и составили костяк 33-й армии.

Ещё в период летних боёв, а точнее, в июле командующим 33-й армией был назначен комбриг Онуприенко.

Дмитрий Платонович Онуприенко был очень молод, но, несмотря на свой юный для полководца возраст – ему шёл тогда тридцать пятый год – успел сделать довольно успешную карьеру.

В 1928 г. он успешно окончил Киевскую пехотную школу. Служил в 23-м погранотряде войск ОГПУ в г. Каменец-Подольск, выполняя обязанности помощника начальника заставы. Спустя четыре года назначен инструктором по строевой подготовке, а затем старшим инструктором 2-го погранотряда НКВД. В 1938 г. окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. И сразу же назначен старшим помощником начальника 1-го отделения отдела учебных заведений Главного управления Пограничных и внутренних войск НКВД. Затем переве-

⁴⁷ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 7. Л. 1.

ден на должность заместителя начальника Главного управления конвойных войск НКВД. Во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг. командовал особым отрядом войск НКВД Северо-Западного фронта, который действовал на Карельском перешейке. В июне 1941 г. комбриг Онуприенко получил новое назначение – он стал начальником штаба Московского военного округа. Человек могущественного ведомства наркома внутренних дел Л.П. Берии, он сделал до начала войны поистине головокружительную карьеру.

И вот наступил 1941 год. Глубокая осень. Враг у ворот Москвы. Осень – не лето... И командующий Западным фронтом Жуков в тяжелейшие дни Битвы за Москву назначает командующим 33-й армией, которой отведено важнейшее Наро-Фоминское направление, генерал-лейтенанта Герасименко⁴⁸, а заместителем – комбрига Онуприенко.

Но 19 декабря в штаб 33-й армии с предписанием вступить в должность командующего прибыл другой генерал-лейтенант – Михаил Григорьевич Ефремов.

О комбриге Онуприенко стоит, однако же, сказать ещё несколько слов, кроме тех, которые ещё скажутся в этой книге по ходу развития драмы под Вязьмой. После трагической гибели окружённой Западной группировки 33-й армии во втором вяземском «котле» Онуприенко был направлен на учёбу в Военную академию Генерального штаба. Окончил он её по ускоренной программе и был назначен начальником штаба 3-й армии Калининского фронта. Армия находилась в резерве, и на её базе формировалась танковая армия, вскоре получившая наименование 2-й танковой. Командовал ею Герой Советского Союза генерал А.Г. Родин⁴⁹. Он высоко ценил своего начштаба и оставил следующую характеристику: «В бою ведёт себя хладнокровно, в трудные моменты не теряется, штабную работу знает хорошо». В архивной пыли осталась и ещё одна характеристика на начальника штаба 2-й танковой армии. Её автор генерал М.С. Малинин⁵⁰, тогда начальник штаба Центрального фронта, в состав которого входила 2-я танковая. «Тов. Онуприенко, – писал генерал Малинин, – технического образования не имеет... Целесообразно использовать на должности заместителя командующего армией не танковой...» Очевидно, последняя характеристика в некотором роде решила судьбу Онуприенко: в июне 1943 г. он расстался со штабной работой и был назначен командиром 6-й гв. сд 13-й армии. И сразу же со своей дивизией попал на Курскую дугу. Затем, с нею же, участвовал в Битве за Днепр, в ходе которой был удостоен звания Героя Советского Союза. В Берлинской операции 1945 г. генерал Онуприенко командовал 24-м стрелковым корпусом. Таким образом военная его судьба сложилась блестяще.

Весь ход операции «Тайфун», характер больших и малых боёв и сражений октября и первой половины ноября 1941 г. говорили о том, что немецкие войска концентрируют свои удары по двум основным осям, по двум направлениям – Волоколамско-Клинскому и Тульско-Каширскому. Однако разведка всё чаще и настойчивее приносила сведения, которые говорили о том, что не исключён удар и на центральном участке фронта. Таким образом создавались предпосылки для формирования третьего направления.

18 октября 1941 г. в штаб 33-й армии из штаба Западного фронта пришло предварительное боевое распоряжение. По сути дела, это был первый приказ генерала Жукова гене-

⁴⁸ Герасименко Василий Филиппович (1900–1961) – генерал-лейтенант. В начале войны командовал 21-й и 13-й армиями. С сентября 1941 г. заместитель командующего по тылу Резервным фронтом.

⁴⁹ Родин Алексей Григорьевич (1902–1955) – генерал-полковник танковых войск. Участник советско-финляндской войны. В июне 1941 г. полковник. В ходе войны был заместителем командира танковой дивизии, затем командовал 124-й тбр. Заместитель командующего 54-й армией по танковым войскам. С июля 1942 г. командовал 26-м танковым корпусом. С февраля по сентябрь 1943 г. – командующий 2-й танковой армией. С сентября 1943 г. командовал бронетанковыми и механизированными войсками Западного, затем 3-го Белорусского фронтов.

⁵⁰ Малинин Михаил Сергеевич (1899–1960) – генерал армии. Герой Советского Союза (1945). Участник Гражданской войны. В советско-финляндскую войну начальник оперативного отдела штаба армии, заместитель начальника штаба армии по тылу. Войну начал в должности начальника штаба 7-го мк и в звании полковника. Затем начальник штаба 16-й армии, Брянского, Донского, Центрального, Белорусского и 1-го Белорусского фронтов.

ралу Ефремову, хотя формально, до прибытия в армию нового командующего, сутки исполнением распоряжения занимался комбриг Онуприенко.

«1. Противник во второй половине дня 17.10.41 ворвался в г. Верею и стремился развить успех на северном и северо-восточном направлениях.

2. 151 мсбр организует оборону по северному берегу р. Протва. Приказом войскам Запфронта, 33 армия с 18.10.41 в составе: 222, 110, 113 сд, 151 мсбр, 9 тбр и частей Наро-Фоминского гарнизона имеет задачу – отбросить противника из района Верея и Боровск и организовать упорную оборону на рубеже – Архангельское, Федорино, Ищеино.

3. Командирам соединений немедленно выслать в штаб 33 – Ново-Фёдоровка (4258) представителей штадива с данными о состоянии соединения и положении частей на фронте.

4. Одновременно с представителем дивизии направить в штаб делегатов связи, обеспечив их подвижными средствами.

5. Начальнику связи к 18.00 18.10.41 установить связь со штабами соединений.

6. Боевой приказ штабному последует дополнительно»⁵¹.

В день прибытия генерала Ефремова в район Наро-Фоминска и вступления его в должность командующего 33-й армией подразделения, вошедшие в состав новой армии, вели тяжелейшие оборонительные бои с частями противника, которые атаковали практически беспрерывно.

151-я мсбр на рубеже Годуново – Купелицы – опушка леса восточнее Загряжское (восточнее Верея) отбивали атаки частей 258-й пехотной дивизии вермахта. Бригада в буквальном смысле истекала кровью. Потери были огромными. Восполнялись они крайне слабо и нерегулярно. Снабжение подразделений, которые вот уже несколько суток не выходили из боя, было плохим. Вот что в этот день писал в своём донесении командир 455-го батальона: «Указанный участок обороны – Ковригино – Загряжское удерживаю прочно. Произвёл разведку сёл Самород, Волчанка, противник в этих сёлах не обнаружен. Северо-западнее нашей обороны противник находится около 200 метров. Наша разведка была обстреляна пулемётами и автоматами. Убитых нет. Раненых один человек.

Питанием и боеприпасами не снабжают. За всё время с 16.10.41 получили только один хлеб. Истребительная рота, взвод связи хлеб ещё не получили.

Всю ночь противник подбрасывает на автомашинах подкрепление»⁵².

222-я сд, занимавшая в это время оборону по рубежу выс. 224, 0 – Потарашенков – Смоленское – Берёзовка, отбивала атаки противника в направлении Назарьево.

1-я гв. мсд своим 175-м полком, который только что прибыл на нарo-фоминский участок, заняла оборону на окраинах Наро-Фоминска, закрыв его с юго-запада.

110-я сд вели бой на рубеже Татарка – Инютино – Ермолино.

113-я сд дралась по фронту Ермолино – восточный берег р. Протва – Маланьино – Скуратово. Связь со штабом дивизии была неустойчивой. 19 октября никаких сведений от полковника Миронова с самого утра не поступало. Посланные к нему офицеры связи в штаб не возвратились.

Все дивизии действовали изолированно друг от друга, не имея с соседом ни локтевой связи, ни возможности взаимодействия в случае критических ситуаций. Точно в таких же обстоятельствах зачастую действовали полки. И бои тех дней имели характер перманентной критической ситуации, которую переломить, выправить не хватало ни сил, ни средств и которая в связи с этим только усугублялась с каждым часом.

В таких обстоятельствах и вступил генерал Ефремов в должность командующего 33-й армией. Коротко изучив ситуацию, он тут же не медля предпринял несколько шагов по

⁵¹ ЦАМО. Ф. 338. Оп. 8712. Д. 2. Л. 28.

⁵² ЦАМО. Ф. 3391. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

предотвращению неминуемой катастрофы полного развала участка фронта, удерживаемого армией.

– Дмитрий Платонович, – спросил он комбрига Онуприенко, передававшего ему дела, – какие у нас резервы?

– Никаких, – ответил Онуприенко.

– А что за войска разгружаются на станции? – Тут же поинтересовался он.

– Пополнение для сто семьдесят третьей дивизии. Дивизия теперь, как вы знаете, из состава тридцать третьей выведена.

– Дивизия выведена, но пополнение прибыло сюда. Срочно направить в штаб фронта телеграмму с просьбой использования этого пополнения на угрожающем участке.

Телеграмма ушла. И вскоре из Перхушкова за подписью начштаба Западного фронта генерала Соколовского⁵³ пришёл положительный ответ.

1750 человек пополнения, полностью экипированного и вооружённого по полному штату, было маршем направлено в распоряжение полковника Новикова⁵⁴, два дня назад вступившего в должность командира 222-й сд. Этой дивизии было труднее всего. Здесь командарм увидел опасность прорыва противника и потому усилил 222-ю тем, что оказалось под рукой.

В первые же дни в дивизиях и полках поняли, что в должность командующего армией вступил человек, умеющий реально оценивать обстановку и принимать адекватные решения. Командиры почувствовали заботу о них и то, что каждый боевой приказ по возможности обеспечивается боевым ресурсом. Почувствовали и железную руку командарма.

Исследуя тему героического противостояния 33-й армии генерала М.Г. Ефремова врагу на ближних подступах к Москве, а затем её не менее героический поход на Вязьму, завершившийся трагедией, размышляя о судьбах истории и конкретных людей, нельзя не коснуться темы смежной, а точнее, того, что происходило за спинами насмерть стоявших под Наро-Фоминском. Позади была Москва. Что в это время происходило там?

А Москву в эти дни охватила паника. В историографии и литературе 16 октября 1941 г. называют *днём беспорядков в Москве*.

В своём добросовестном исследовании, вышедшем в издательстве «Русич» в Смоленске в 2004 г. под названием «Укрощение «Тайфуна», журналист-международник Л.А. Безыменский пишет: «Об этом дне не хочется вспоминать, но историк обязан это сделать». Далее автор приводит странички из дневника москвича Н. Вержбицкого: «16 октября. У магазинов огромные очереди, в магазинах спёрто и сплошной бабий крик. Объявление: выдают все товары по талонам за весь месяц.

...Метро не работает с утра.

...Многие заводы закрылись, с рабочими произведён расчёт, выдана зарплата за месяц вперёд.

...Много грузовиков с эвакуированными: мешки, чемоданы, ящики, подушки, люди с поднятыми воротниками.

...У баб в очереди установился такой неписанный закон: если кто во время стрельбы бежал из очереди – обратно его не пускать. Дескать, пострадать, так всем вместе. А трус и индивидуалист (шкурник) пусть остаётся без картошки.

⁵³ Соколовский Василий Данилович (1897–1968) – Маршал Советского Союза. В июне 1941 г. генерал-лейтенант. Окончил Военную академию РККА, Высшие академические курсы. В ходе войны начштаба Западного фронта, одновременно начштаба Западного направления, командующий войсками Западного фронта, начштаба 1-го Украинского фронта, заместитель командующего войсками 1-го Белорусского фронта.

⁵⁴ Новиков Тимофей Яковлевич (1900–1945) – полковник. Вступил в должность командира 222-й сд. Затем, 28 ноября 1941 г. переведён на должность командира 1-й гв. мсд. Ранен в одном из боёв. Вернулся в свою дивизию 17 января 1942 г., когда она наступала на Верею. В эти дни ему было присвоено звание генерал-майора.

17 октября. Сняли и уничтожили у всех парадных список жильцов. Уничтожили все домовые книги.

...Пенсионерам выдали на руки все документы.

...Постепенно вырисовывается картина того, что произошло вчера.

...Большое количество предприятий было экстренно приостановлено, рабочим выдали зарплату и на 1 месяц вперёд. Рабочие, получив деньги, бросились покупать продукты и тикать.

Сейчас, после постановления Моссовета, эти закрытые предприятия с рассчитанными рабочими вновь начали работать.

...У рабочих злоба против головки, которая бежала в первую очередь. Достается партийцам.

...Кто-то меня спросил:

– Не лучше ли служить немцам, чем англичанам, если вообще придётся служить?

...с 7-ми часов вечера налёты один за другим.

...В церкви Преображения аккуратно – и всенощные, и литургии.

...По улице двигаются грузовики с бойцами. Из рупора, зычно:

«Ребята, не Москва ль за нами?

Умрём же за Москву!»

Далее Л.А. Безыменский приводит странички из другого дневника, тоже москвича Г.В. Решетина: «16 октября 1941 г. Шоссе Энтузиастов заполнилось бегущими людьми. Шум, крик, гам. Люди двинулись на восток, в сторону города Горького.

Прибегает Иван Зудин. Он был одно время вместе с нашим отцом в народном ополчении. Его вскорости отозвали обратно на учёбу в юридический институт. Институт эвакуирован в Саратов. Иван тоже должен был на днях уехать туда. Но сейчас всё перепуталось. На шее у Ивана связка колбасы. Кладёт на стол. Говорит, подобрал у магазина. Побегали вместе к магазину. Там уже ничего не осталось.

...Застава Ильича. Отсюда начинается шоссе Энтузиастов. По площади летают листы и обрывки бумаги, мусор, пахнет гарью. Какие-то люди то там, то здесь останавливают направляющиеся к шоссе автомашины. Стаскивают ехавших, бьют их, сбрасывают вещи, расшвыривая их по земле.

Раздаются возгласы: бей евреев!

Вот появилась очередная автомашина. В кузове, на пачках документов, сидит сухошавый старик, рядом красивая девушка.

Старика вытаскивают из кузова, бьют по лицу, оно в крови. Девушка заслоняет старика. Кричит, что он не еврей, что они везут документы.

Толпа непреклонна.

Никогда бы не поверил такому рассказу, если бы не видел этого сам.

...Вечером 16 октября в коридоре соседка тётя Дуняша затопила печь. Яркий огонь пожирает... книги, журналы. Помешивая кочергой, она одновременно без конца повторяет так, чтобы все слышали:

– А мой Миша давно уже беспартийный, да и вообще он и на собрания-то не ходил.

Бедная тётя Дуняша так перепугалась прихода немцев, забыла даже, что её муж, очень неплохой мужик, тихий дядя Миша, Михаил Иванович Паршин, умер года за два до начала войны».

Историк, профессор Миллер записал в своём дневнике 16 октября 1941 г.: «Всё резко сразу изменилось. («Известия» не вышли: говорят, эвакуировались.) Информбюро, первый раз приближаясь к истине, говорит о том, что на западном направлении положение резко ухудшилось. Прорыв центра. Сегодня поэтому Москва – муравейник. Но «муравьи» какие-то чужие. По всем направлениям идут загруженные кладью люди – явно огромное большин-

ство рассчитывает на пешее передвижение. На него обречены даже эвакуирующиеся заводы и учреждения. Большинству же прямо даётся расчёт, иногда с уплатой, иногда с обещанием уплаты чего-то в жалованье. На улицах беспорядок; дворники не убирают подмёрзлых тротуаров. Транспорт в полном расстройстве. Метро закрыто, и слухи о нём плывут зловещие: в толпе говорят, что метро взорвут или затопят. На «взрывание» будто бы обречено Садовое кольцо как основная артерия (её так и создавали, по-видимому), а также разные неуезённые или недоразорённые заводы. Настроение толпы – угрюмое, молчаливое, у иных легкомысленное: ходят как на ярмарке.

Колоссальные хвосты, ибо под предлогом эвакуации многим выдают продукты намного вперёд, а кроме того, кажется решили разбазарить последние склады продовольствия (продают муку, сахар по рыночным ценам; по рабочим карточкам дают пуд муки).

Трамваи переполнены и ходят реже. Автобусы тоже. Огромное количество их, по-видимому, угнано. На троллейбусах сидят даже на крыше.

В толпе говорят о приходе немцев в нынешнюю ночь, о том, что Москву хотят считать (как Париж) открытым городом, о том, что будто бы оборона от налётов снята (однако с 6 часов вечера уже слышны зенитки, видны на фоне тёмного неба рвущиеся снаряды)».

Очевидцы рассказывают, что в толпе кричали: «Должно быть, всё очень плохо, раз нам начали выдавать муку!» «К чёрту муку! Лучше умереть от голода, чем допустить немцев...» И – снова о евреях, о том, что Москву нечем защищать, что евреи растащили весь хлеб и все винтовки...

Паника. И всё-таки она не перехлестнула через край, после чего начинается дикий хаос.

Из «Решения Исполнительного Комитета Московского городского совета депутатов трудящихся» от 17 октября 1941 г.: «В этих условиях особо преступным, противогосударственным поведением является факт дезертирства из Москвы председателя Мосгорпромсовета т. Пасечникова и начальника Управления по делам искусств т. Фрумкина, которые бросили свои предприятия на произвол судьбы.

Исполнительный Комитет Московского Городского Совета Депутатов трудящихся постановляет:

1. Поручить московскому Управлению НКВД вернуть немедленно т.т. Фрумкина и Пасечникова в Москву.

2. Просить ЦК РКП/б/ обсудить о партийности т.т. Фрумкина и Пасечникова, как дезертиров.

3. За дезертирство т.т. Фрумкина и Пасечникова предать суду Военного Трибунала, как дезертиров».

Из отчёта московской городской подпольной организации ВЛКСМ, созданной на случай сдачи Москвы для налаживания диверсионной и разведывательной работы, о ситуации в Москве в октябре 1941 г.: «13 октября наши войска оставили Вязьму.

...Аппарат райкома вооружили пистолетами. Ящики гранат и бутылки с горючим заносятся в подвалы по указанию. Комсомол напихал гранатами сейф.

...16 октября. В райкоме сногшибательные факты – как прямое следствие паники. У хлебного киоска на Трубной площади давка, хулиганство – ломают киоск. Рабочие Молокозавода задержали директора с молочными продуктами. Продукты и машину отняли, директора окунули головой в бочку со сметаной. Водитель машины райНКВД привёз к зданию райкома гражданина и докладывает начальнику:

– Товарищ начальник, примите. – Обращаясь к сидящему в машине: – Гражданин, выходите, приехали! Возьмите ваши три тысячи.

Водитель машины возвращался с рейса по заданию, его остановил этот неизвестный гражданин и «нанял» подбросить за три тысячи рублей до Горького...

... Вот Крестьянская Застава. Десятки тысяч народу. Машины стоят и движутся. Давка. Сотни милиционеров не в состоянии навести прядок, с ними расправляются, как с мальчишками. В одно мгновение и милиционера стащили с лошади. Вот мчится машина, сигналиит. Публика преграждает путь, останавливает машину, вытаскивает шофёра и выбрасывает вещи. Это не первая и не последняя. Пешеходы, запрудившие движение как на спортивном празднике, выбрасывают трюк за трюком. Зрелище здесь необычайное и страшно непонятное.

Опять в райкоме комсомола. Комитет ВЛКСМ милиции пришёл почти в полном составе и принёс решение на исключение из комсомола двух милиционеров за паникёрство. (Сорвали петлицы, выпороли канты.) Вот они, жалкие трусы! Бюро РК подтвердило решение комитета. Тут же, не отпуская домой, райвоенкомат призвал их и зачислил в команду для отправки на фронт».

Можно предположить, что эти двое в запасной полк не попадут. Их отправят прямо в окопы. Что ж, «эти жалкие трусы» тоже были пополнением. И, надо заметить, война – органика сложная. Зачастую и судьбы людей она направляла по своим, особым, иногда причудливым путям. Кто знает, кем в этой гигантской плавильне человеческого характера стали те милиционеры, споровшие петлицы перед предполагаемым вступлением в город немцев, а затем *призванные и зачисленные в команду для отправки на фронт*. Может, убиты в первом же бою где-нибудь под Тишинкой или Ермолином на Наро-Фоминском направлении. Может, перешли к немцам и воевали потом составе Русского Корпуса или Русской Освободительной Армии против своих же соотечественников и братьев, так и оставшись жалкими трусами. А может, стали хорошими солдатами и честно служили Родине, приближая Победу. Как говорят в народе, один со страху помер, а другой – ожил. Но в первом бою позади окопов с такими хлопцами, конечно же, надо было ставить заградительные отряды с пулемётами. Таковы законы войны.

Что же касается стихии беспорядков и жестокости расправы на московских заставах, где избивали бегущих и швыряли в пыль их добро... Москвичи, которым некуда и не на чем было бежать, останавливали малодушных, трусов и паникёров. В народе их называли просто – шкурники. Поэтому так легко, уже на следующий день, в городе был наведён порядок. 16 октября люди пытались навести его сами. Получилось очень неуклюже, жестоко, как в стихотворении Александра Блока: «Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет/В тяжёлых, нежных наших лапах?» Бежавшие от народной судьбы, не желающие разделить с простыми бабами из очереди за картошкой страх быть убитыми осколками бомбы, в основном были людьми интеллигентными, образованными и, конечно же, читавшими стихи русского поэта. Говорят, на востоке, в Горьком, в Куйбышеве, других городах, удалённых от театра военных действий, ловкие и влиятельные люди этой породы к тому времени уже смогли создать для себя и своих семей «запасные аэродромы»: сняли квартиры, заполнили подвалы продуктами длительного хранения, предусмотрели даже возможность продолжения обучения своих детей в школах, открыв для них специальные классы со своими учителями и своим бюджетом.

Вот уж воистину: кому война, а кому...

Во всяком случае, как о том свидетельствуют документы, тт. Фрумкин и Пасечников таки успели улизнуть из столицы со всем скарбом, так что их пришлось разыскивать органам госбезопасности.

Сталин, узнав о происходящем на улицах и на предприятиях Москвы, лично распорядился навести немедленный порядок. И он, как известно, был наведён. Говорят, когда ему доложили обстановку, в том числе и о происходящем на городских улицах, Крестьянской Заставе и Заставе Ильича, он сказал спокойным голосом:

– Ну, это не так плохо. Я думал, будет хуже.

Потом, обращаясь к Щербакову, добавил:

– Нужно немедленно наладить работу трамвая и метро. Открыть булочные, магазины, столовые, а также лечебные учреждения с тем составом врачей, которые остались в городе. Вам и Пронину надо сегодня выступить по радио, призвать к спокойствию, стойкости, сказать, что нормальная работа транспорта, столовых и других учреждений обслуживания будет обеспечена.

17 октября по московскому радио выступил первый секретарь Московского горкома партии, руководитель Главного политуправления и начальник Совинформбюро А.С. Щербаков: «Провокаторы будут пытаться сеять панику. Не верьте слухам!» Два дня спустя было введено осадное положение.

Удивительно другое: о панике в Москве 16 октября ровным счётом ничего не узнали немцы и, следовательно, не смогли этим никак воспользоваться. Это – к вопросу о том, как работала их агентурная разведка и как работали наши органы госбезопасности...

Кстати, о «работе» последних: в день московской паники в Москве на территории совхоза «Коммунар» по приказу Берии были расстреляны жёны бывших высокопоставленных военных Нина Уборевич и Нина Тухачевская.

Не удалось найти в архиве документов, проливающих свет на то, почему же в 33-ю, вопреки назначению Жукова⁵⁵, прибыл генерал Ефремов. Не потому ли, что обстановка буквально в последние несколько суток значительно осложнилась и последние московские события заставляли и Ставку, и Сталина бросать в прорыв более мощные ресурсы, а на ответственные посты назначать тех, кто не подведёт, не дрогнет даже в безвыходных обстоятельствах.

А 33-я дралась. Как героически и стойко дрались все армии на всех фронтах. Но у 33-й была особая миссия: её дивизии и батальоны стояли в центре удара, и остриё бронированного потока, который получил в ставке Гитлера кодовое название «Тайфун» и который в последних числах сентября рванул из-под Рославля на Москву, это тяжёлое копьё неслось именно сюда, пронзая километр за километром и сметая на своём пути армию за армией.

Просматривая боевые донесения из дивизий и отдельных подразделений, командарм невольно обратил внимание на одну цифру, которая почти во всех сводках была неизменно высокой, – пропавшие без вести. Когда штабные офицеры всмотрелись пристальнее в проблему, выяснилось, что большой процент среди безвестных составляют москвичи. Например, в кадровой 222-й сд пропавших без вести согласно поступившим сводкам было значительно меньше, чем в бывших ополченческих, получивших общевойсковые номера сравнительно недавно⁵⁶. Вскоре предположения подтвердились: заградзаставы и военкоматы начали возвращать дезертиров назад, на фронт. А 27 октября шифром из штаба Западного фронта поступила телеграмма следующего содержания: «Задержано более двух тысяч человек, ушедших с фронта. Срочно донести, почему Вами не приняты меры по наведению порядка и дисциплины в частях, вследствие чего люди 33 армии тысячами уходят с фронта в тыл»⁵⁷.

В одном из первых приказов генерал Ефремов обращался к своим командирам и бойцам: «...пусть поймёт каждый командир, начальник, боец, что в нынешней обстановке в

⁵⁵ Приказ штаба Западного фронта № 0347 от 17 октября 1941 г., в котором, в частности, есть такой пункт: «2. Командующим 33-й армией назначить генерал-лейтенанта Герасименко. Заместителем командующего армией назначить комбрига Онуприенко». ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1029. Л. 177, 178.

⁵⁶ 26 сентября дивизии народного ополчения, так называемые ДНО, получили свои общевойсковые номера. Так 4-я ДНО стала 110-й стрелковой дивизией, соответственно 5-я – 113-й, 6-я – 160-й.

⁵⁷ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 1. Л. 17.

борьбе за родину, за Москву лучше смерть храбреца, чем презренная трусость и паникёрство»⁵⁸.

Конечно же, я далёк от мысли о том, что все, по сводкам тех дней проходившие в строке «Пропавшие без вести», были дезертирами и москвичами. Бежали и в другие края. Но большинство из пропавших без вести были погибшие и попавшие в плен. Попавшие, т. е. взятые противником в бою, как это случалось, когда кончались боеприпасы, когда отходили соседи и открывали фланги, когда боец получал рану или контузию и какое-то время неадекватно воспринимал действительность. Но, что греха таить, часть из числа пропавших без вести дезертировала и в другую сторону – в немецкую. И об этом мы не раз ещё будем размышлять в этой книге перед лицом документов и свидетельств.

В войсках не хватало вооружения. Архивы открывают любопытные данные, которые теперь, по прошествии многих десятилетий, проливают тот необходимый и неизбежный свет, который необходим для безошибочного чтения книги истории нашей страны и истории Великой Отечественной войны, в частности. Вот документ, который озаглавлен так:

«СВЕДЕНИЯ О БОЕВОМ И ЧИСЛЕННОМ СОСТАВЕ СОЕДИНЕНИЙ 33-й АРМИИ ПО СОСТОЯНИЮ НА 25.10.41 г.»⁵⁹. Из этого документа мы, например, узнаём, сколько действующих штыков имела каждая дивизия и сколько, соответственно, вся армия. Сколько пополнения получено. И сколько и какое имела вооружение.

1-я гв. мсд. При численном составе 8569 человек, включая и командный состав, имела 6732 винтовки, в том числе и автоматические⁶⁰, 92 станковых пулемёта, 181 ручной пулемёт, 57 миномётов.

151-я мсбр. При численном составе 1115 человек имела 942 винтовки, 3 станковых пулемёта, 13 ручных пулемётов. Миномётов не имела.

113-я сд. при численном составе 1157 человек имела 1003 винтовки, 2 станковых пулемёта, 6 ручных пулемётов. Миномётов не имела.

222-я сд. Кадровая, как её называли в штабе 33-й армии. При численном составе 3392 человека имела 1934 винтовки, 17 станковых пулемётов, 25 ручных пулемётов и 6 миномётов.

Отсюда нетрудно подсчитать общее количество стрелкового оружия всей армии. Но обратим наше внимание вот на какую цифру: 222-я сд имела порядочное, хотя и недостаточное количество пулемётов, а вот винтовок...

Считаем так. В дивизии 42 пулемёта. Умножаем на два человека. Хотя, надо заметить, вторые номера «максима» и «дегтяря» должны были иметь винтовки. 360 человек начсостава. При 6 миномётах могли состоять не более 30–35 человек. Таким образом 937 человек ходили в бой «парами» или с гранатой.

⁵⁸ ЦАМО. Ф. 338. Оп. 8712. Д. 2. Л. 67.

⁵⁹ ЦАМО. Ф. 338. Оп. 2511. Д. 24. Л. 323, 324.

⁶⁰ На период описываемых событий на вооружении Красной Армии состояли: 1) 7,62-мм автоматическая винтовка Симонова образца 1936 г. (АВС). Первая советская массовая автоматическая винтовка являлась усовершенствованным образцом опытной винтовки 1931 г. При автоматической стрельбе в качестве дополнительной опоры использовался клинковый штык, который поворачивался на 90 градусов по отношению к оси ствола. Для уменьшения отдачи на ствол навинчивался дульный тормоз. Масса в боевом положении – 4,82 кг, боевая скорострельность: одиночным огнём – 25 выстр./мин., очередями – 40 выстр./мин., ёмкость магазина – 15 патронов, прицельная дальность стрельбы – 1500 м; 2) 7,62-мм самозарядная винтовка системы Токарева образца 1940 г. (СВТ). С 1940 г. СВТ, которая победила на конкурсных испытаниях, была запущена в массовое производство. Она изготавливалась вплоть до 1945 г. Масса в боевом положении – 4,51 кг, боевая скорострельность – 25 выстр./мин., ёмкость магазина – 10 патронов, прицельная дальность стрельбы – 1500 м. В отличие от самой массовой винтовки Красной Армии 7,62-мм винтовки системы Мосина образца 1891/30 г. СВТ имела pistolетную ложку, как у немецкой винтовки системы Маузера, что делало её более удобной в обращении. В 1940–1942 гг. выпускался снайперский вариант винтовки с оптическим прицелом ПУ. Скорее всего, в данном случае речь идёт именно о СВТ.

Что это такое, мне рассказывали ветераны 49-й и 50-й армий Западного фронта. Можно не сомневаться, что и в 33-й было то же самое.

Из рассказа бывшего бойца 1-го батальона 1130-го сп 336-й сд 50-й армии Василия Ивановича Антипова (Пос. Износки Калужской обл. Запись 1986 г.):

– Зачислен я был в роту связи. Экипировали нас не сразу. Я долго ходил в своём чёрном студенческом пальто, где-то с месяц так, в пальто, и воевал. Потом выдали гимнастёрку, ботинки невероятно большого размера, шинель. Винтовку выдали тоже не сразу. Дали две гранаты «Ф-1». Это и было моё личное оружие. Потом батальон подвели к передовой, в первый эшелон. Была весна, 1942 год. Мы сменили на передовой наших товарищей. Нам досталась залитая водой траншея и блиндаж, в котором можно было только сидеть. Вначале было холодно. Закрыли вход плащ-палаткой, и вскоре в нашей тесной землянке стало даже душновато. Хотелось пить. Я взял котелок, вылез из блиндажа, зачерпнул воды из лужи неподалёку, напился вволю сам и зачерпнул ещё – для товарищей. Утром, когда рассвело, выбрался я из блиндажа и вижу: в луже, где я набирал воду, вытаял немец, убитый, видимо, ещё во время зимних боёв. А нам ребята, которых мы меняли, сказали, что эта траншея немецкая, что её отбили зимой. Тем временем из блиндажа, один за другим, вылезли остальные бойцы нашего отделения. Стоят рядом, тоже разглядывают. И кто-то спрашивает, вроде в шутку: «Антипов, ты, случаем, не из этой лужи воду ночью брал?» – «Из этой», – говорю. Эх, что тут началось! А я стою и смотрю: немец распух, лицо синее, пилотка сбилась набок, волосы примёрзли к пилотке... Так я впервые увидел на фронте врага. Долго его обходили, перепрыгивали. Потом увидел лейтенант и приказал убрать. Стали мы его выдалбливать. А под ним – винтовка! А винтовок-то у нас вообще ни у кого не было. В дозор, когда надо идти в боевое охранение, давали автоматы. А в своей траншее так, с гранатами, и ходили. А тут – винтовка. Стали её друг у друга из рук вырывать.

Из рассказа бывшего бойца 330-сд 49-й армии Петра Васильевича Демичева (Пос. Бетлица Калужской обл. Запись 6.02.99.):

– Наш 1111-й стрелковый полк формировался в Барятине. 8 сентября 1943 года мы были уже на передовой. Дивизия шла от Кирова. Освобождала село Мокрое и окрестности. Когда мы прибыли, Мокрое было уже очищено от немцев. Догорали дома. Дымились головешки. А Грибовку ещё удерживали немцы. И вот пошли мы на них. А шли так: парами. Что это значит, сейчас расскажу. Винтовок-то не хватает. Одна на двоих! Нам с товарищем досталась старенькая, с лопнувшим прикладом, который мы кое-как подладили, стянули ремнями. Он побоевей меня был, и говорит: «Петь, я пойду вперёд. Давай мне патроны». Я отдал ему две обоймы. Когда нас подняли в атаку, он пошёл вперёд, а я за ним, шагов на пять-семь. Так и бежал следом и тоже «Ура!» кричал. Слава богу, товарища моего тогда не убило. А потом, на Снопоти, где немцы пытались удержать нашу дивизию, меня приставили к пушке-«сорокапятке». Чтобы, мол, просто так не слонялся по передовой. Без винтовки. Вот тут-то я и понял, что пушчонка эта, сорокапятимиллиметровая, и вправду – прощай, родина. Когда началась стрельба, артиллеристы сделали всего два выстрела. И сразу вокруг нас всё разорвалось, ходуном заходило. Тут-то меня и ранило в бок.

Можно предположить, что и генерал Ефремов, наблюдая контратаки своих частей, видел подобные картины, когда стрелки шли в бой «парами». И поэтому им был издан приказ по армии, согласно которому бойцы и командиры должны нести строжайшую ответственность за личное оружие. Результат не замедлил сказаться.

Вот сведения о численном и боевом составе 1-й гв. мсб по состоянию на 3.11.41.

6-й мсп при численном составе 1740 человек, включая начсостав и младший начсостав, имел: 23 пулемёта, 13 огнемётов, 9 пушек, 77 автоматов и 2455 винтовок. Если применить тот же метод расчётов, то в полку имелся в наличии избыточный арсенал оружия, а именно: 965 винтовок. Что ж, этот полк мог принимать и невооружённое пополнение.

Надо заметить, что в октябрьских документах в дивизиях 33-й армии не числилось ни одного автомата. Их у бойцов просто-напросто не было. Воевали одними винтовками.

Самой боеспособной дивизией армии была 1-я гв. мсд. Полное её название 1-я гвардейская Московская Пролетарская мотострелковая дивизия. 21 сентября 1941 г. она получила наименование гвардейской. Командовал ею полковник А.И. Лизюков. Именно на эту дивизию легла основная тяжесть боёв непосредственно за город Наро-Фоминск. Немцы вошли в город 22 октября после кровопролитных боёв на западных окраинах, которые удерживали подразделения 175-го мсп.

Во время одной из уличных перестрелок был тяжело ранен, а затем убит командир этого полка подполковник П.В. Новиков⁶¹. Когда город был освобождён, тело подполковника П.В. Новикова похоронили в братской могиле в городском сквере. Посмертно он был награждён орденом Красного Знамени. Улица, где он погиб, названа его именем.

В 11.00 КП штаба в Ново-Фёдоровке был подвергнут бомбардировке немецких пикировщиков. Переждав авианалёт, Ефремов приказал перенести штаб армии глубже в тыл: сперва в Кузнецово, а затем в Яковлевское.

1-я гв. мсд сдавала город Наро-Фоминск. Сдавала медленно, с упорными боями, пытаясь ухватиться за каждый дом, за каждый переулочек. Но удерживать кварталы ни сил, ни огневых средств не хватало. Немцы подводили новые и новые подразделения, в бой вводили орудия, миномёты, огнемёты. Несколько раз дивизия пыталась контратаковать позиции противника, отбивала один-два переулка, а затем откатывалась на исходные. Но продолжала удерживать несколько плацдармов на западном берегу Нары. Контратаки существенных результатов не давали, они только истощали силы.

В декабре, в период общего наступления под Москвой, именно 1-я гв. мсд первой вернулась в город, вынудив немецкие части покинуть его обходом с флангов и угрозой окружения.

Двадцатые числа октября были тяжелейшими для обороны 33-й армии. В один из дней снова пропала связь с 110-й и 113-й дивизиями. Офицеры связи вскоре прибыли с донесениями, в которых сообщалось о том, что полки дерутся изолированно, некоторые окружены. В полках осталось от 90 до 175 человек активных штыков. Левый фланг был восстановлен. Хуже положение складывалось на правом фланге армии, где дралась 151-я мотострелковая бригада. Связной, прибывший из штаба 151-й, доставил донесение от комбрига Ефимова: «В настоящее время части бригады в следующем положении: 200 чел. обороняют Симбухово (453 мсб и 1 рота 455 мсб), остальными частями обороняется рубеж Грибцово – Никольское. В состав частей, обороняющих этот рубеж, входят: рем рота, 455 мсб – всего в количестве до 100 чел. 185 сп, действующий с 151 мсбр, имея 22.10.41 г. 32 чел., к утру 23.10.41 г. потерял последних.

Тылы и матчасть из окружения выведены и собираются на Минском шоссе.
Прошу Ваших указаний:

⁶¹ Новиков Павел Вениаминович (1906–1941) – подполковник. На войне с первых дней. Воевал на Березине, у Толочина, под Оршей. Неоднократно выводил свой полк из окружения. Из воспоминаний ветеранов 1-й гв. мсд и своём командире: «Природный сибиряк, таёжный охотник, прекрасно ориентирующийся в лесу и днём, и ночью, он шёл во главе дивизионной колонны и уверенно выводил её из-под ударов. Находясь в окружении, он провёл девять боёв, которыми руководил лично. Однажды враг плотно сомкнул кольцо вокруг наших подразделений. Казалось, выхода нет. Но Новиков нашёл его. Ночной атакой он разорвал сжимавшееся кольцо и вновь вывел нас на свободный путь. По ночам этот отважный человек частенько делал вылазки в немецкие окопы и в занятые врагом населённые пункты, захватывал боеприпасы, добывал продовольствие. Когда люди выбивались из сил, теряли бодрость духа, впадали в уныние, Новиков приходил к ним на помощь с шутками, остроумными рассказами. Когда нечего было курить, он отыскивал только ему одному известные корешки и листья, подсушивал их и затем предлагал всем “самосад”...»

О пополнении бригады личным составом, на базе имеющейся матчасти и постановке её новой задачи, т. к. сейчас я выполнил задачу на участке 5 армии. Личный состав, обороняющий р-н Симбухово, прошу передать Командиру 222 сд.

В результате налёта на штаб 151 мсбр ранены, нач. связи и ком. роты управления, пропали без вести – нач. артиллерии, нач. особого отдела.

Разбита рация, разбита легковая машина»⁶².

Положение 151-й мсбр было незавидным. Она находилась на правом фланге армии на стыке с соседней 5-й. Правое её крыло прикрывала 32-я сд полковника Полосухина, а левое – 222-я сд полковника Новикова. Но, как показывают боевые донесения тех дней, фланги бригады и соседних дивизий были оголены. И наши, и немцы дрались практически в полуокружении, смутно понимая своё положение. Все части перемешались. Действия артиллерии и авиации затруднялись тем, что можно было ударить по своим.

151-я, находясь на стыке, была атакована превосходящими силами противника, но пока ещё держалась. Когда бой немного утих, немцы отошли и занялись очередной перегруппировкой сил, разведчики и связисты 33-й армии установили, что между левым крылом 151-й мсбр и правым крылом 222-й сд существует не занятый войсками участок шириной в 4 км. А между последним занятым окопом левого крыла 222-й сд и первым «живым» окопом соседней 1-й гв. мсд разрыв составил целых 14 км. В эту, даже в масштабах фронта, огромную брешь впору было ставить ещё одну полнокровную дивизию.

В штарме понимали, что только слабость противника, который атакует тоже из последних сил, и нерасторопность его разведки, которая ещё не обнаружила эти бреши, не занятые никакими войсками, мешают немцам воспользоваться благоприятными для них обстоятельствами.

23 октября командарм принял решение: отвести дивизии на новый рубеж за Нару и закрепиться по обрезу восточного берега, плотно сомкнув фланги. При этом 1-я гв. мсд оставалась на месте. Отходить ей было некуда. Противник уже оттеснил её в Занарье и даже захватил на восточном берегу несколько плацдармов.

Основной марш-маневр должны были совершить 151-я мсбр и 222-я сд. Согласно новому приказу они отходила на рубеж реки Нара – Маурино – Любаново, примыкаясь левым флангом к правофланговым частям 1-й гв. мсд. Вторым потоком должны были отходить за реку полки 110-й и затем 113-й сд.

Опыт отступления и отвода войск на новые позиции у Ефремова был. Во время летних боёв он командовал 21-й армией⁶³. И тогда в его армии было значительно больше войск⁶⁴.

Река Нара спасала. Она стала естественным щитом для обескровленных дивизий 33-й армии, которые, расположившись на её восточном берегу, тут же принялись зарываться в землю, чтобы, пока противник не завершил перегруппировку сил, создать новую надёжную линию обороны.

Продолжая тему 151-й мсбр, надо сказать, что, когда Жуков передавал Ефремову эту достаточно мощную в то время стрелковую бригаду, всю артиллерию он оставил у Говорова. Помните историю с более чем полуторатысячным пополнением, которое прибыло на усиление соседней армии и которое, воспользовавшись ситуацией, сумел подчинить себе командарм 33? Вот такими же телеграммами, просьбами и аргументами забрасывали штаб

⁶² ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 4. Л. 44.

⁶³ 21-й армией М.Г. Ефремов командовал с 25 июня по 8 августа 1941 г. Именно в этот период корпуса и дивизии армии занимали новый участок обороны по левому берегу р. Днепр. Армия входила в состав вновь созданного в те дни Центрального фронта Западного направления.

⁶⁴ В состав 21-й армии в тот период входили: 20, 28, 63, 67-й стрелковые корпуса, 25-й механизированный корпус, 50-я, 55-я танковые дивизии 696-й артиллерийский противотанковый полк. 63-м ск командовал генерал-лейтенант Л.Г. Петровский.

фронта и другие командармы, выхватывая друг у друга из-под рук пополнение и огневые средства. Горовов, в данном случае, сумел убедить штаб Западного фронта оставить артиллерию 151-й бригады у себя, укрепив таким образом позиции обороны 32-й дивизии Полоухина. Той самой дивизии, которая вскоре стремительным фланговым ударом спасёт и свою 5-ю и соседнюю 33-ю от прорыва танкового клина в глубину, к Минскому шоссе.

Что же оставил у себя генерал Горовов и чего не получил, принимая 151-ю, генерал Ефремов? Согласно сохранившимся документам бригада на тот период имела в своём составе: 509-й артиллерийский полк, 584-й артиллерийский полк ПТО, две батареи 84-го артиллерийского полка, дивизион 13-го миномётного полка, дивизион 11-го миномётного полка.

Командир бригады майор Ефимов, оставшись без необходимого усиления, вынужденный драться против танков одной пехотой, настоятельно слал донесение за донесением в штаб о необходимости вернуть ему артиллерию. Вот одно из них, полученное в штабе Ефремова 25 октября в 20.30: «Доношу, что приказ получен, задача ясна. Прошу уточнить: как могу использовать 454 сб, обороняющий Брыкино, вводить ли его в бой или оставить для прикрытия фланга? Без этого батальона я располагаю одним батальоном, который могу довести до 200 чел. Одновременно прошу: нач. артиллерии 151 мсбр подчинён командарму 5, получает задачи от 5 армии, несмотря на мои указания, которые отменяются 5 армией. Прошу уточнить данный вопрос, добившись распоряжения штрама 5 об откомандировании нач. артиллерии в бригаду.

На 17.00 25.10.41 г. положение бригады и противника: кавполк⁶⁵ ведёт бой за Юматово, неся потери. 453 мсб выдвигается в исходное положение Головково – Радчино, данного р-на не занимает. Местонахождение его неизвестно. Противник в Юматове до двух рот. На 26.10.41 г. можно ожидать попытки со стороны противника перейти в наступление в направлении на Яшино, Ерёмно, шоссе Москва – Минск»⁶⁶.

В это время очередным нажимом противника бригада была фактически смята. Штаб её находился на значительном удалении от подчинённых ей батальонов. Управление почти не имел. И всё же бригада продолжала удерживать участок фронта протяжённостью почти 14 км. При этом что в батальонах едва насчитывалось до роты активных штыков. В это время по представлению военного прокурора и начальника особого отдела Западного фронта и по приговору Военного трибунала перед строем расстрелян комиссар 455-го мотострелкового батальона бригады Ершов. Ершов был первым командиром 151-й, кого поставили перед строем. Неудача предыдущих дней, когда бригада в беспорядке отступала, будет расценена как позорное оставление позиций.

Вместе с тем расположение батальонов бригады было таково, что ей предстояло немедленно, чтобы ликвидировать угрозу удара во фланг всей армии, отбить населённые пункты Крюково и Большие Горки. 27 октября майор Ефимов получил от начштарма генерала Кондратьева следующее распоряжение: «Командарм приказал во что бы то ни стало овладеть Бол. Горки. Исполнение донести»⁶⁷.

Чтобы читатель понял всю остроту ситуации, приведу текст боевого распоряжения майора Ефимова командиру 454-го мсб: Выполнение задачи по овладению Маурино – Горки является условием выполнения задачи всей армии.

ПРИКАЗЫВАЮ:

⁶⁵ В составе 151-й мсбр в это время действовал подчинённый ей 1-й отдельный кавалерийский полк.

⁶⁶ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 4. Л. 49.

⁶⁷ ЦАМО. Ф. 3391. Оп. 1. Д. 3. Л. 40.

Маурино – Горки овладеть во что бы то ни стало, любой ценой. К лицам, не выполняющим приказ, применять полностью все меры, используя все свои права.

Через каждый час связистам доносить положение б-на. Донесения присылать в штаб кав. полка – Жихарево»⁶⁸.

Приказ его был жестоким и недвусмысленным. После того как перед строем расстреляли военкома соседнего батальона, комбату 454-го ничего не оставалось, как быть жестоким и неумолимым. Батальон имел в своём составе 270 штыков. Взять этими силами, без поддержки артиллерии, два населённых пункта, удалённых друг от друга на пять километров, и при этом ещё выбить противника из Крюкова, которое находилось непосредственно между Маурином и Большими Горками, являлось практически невыполнимой задачей.

Это было время выполнения невыполнимых задач.

Майор Ефимов знал, что уже ведётся следствие по делу о самовольном оставлении позиций. Знал, что атака на Маурино и Большие Горки, а точнее, её исход, скорее всего, поставят точку и в его судьбе: или пан, или пропал...

В ночь на 27 октября 454-й батальон скрытым маршем вышел на исходные в район Маурино. 1-й кавполк к тому времени провёл тщательную разведку местности, определил силы и засёк огневые точки противника, в том числе миномётную батарею. В Маурино и его окрестностях немцы располагали силами до батальона, усиленного пушками и несколькими танками. Майор Ефимов мог противопоставить им лишь два ПТО кавполка.

О проводимом в отношении командира 151-й мсбр следствии знал и командарм. Но чем он мог помочь ему? Майору Ефимову в этот момент мог помочь только командарм 5, усилив предстоящую атаку хотя бы частью тех средств, которые изъяс у бригады накануне. И тем не менее генерал Ефремов распорядился, чтобы одновременно с батальоном и кавполком на Маурино, с восточной стороны, начал атаку 774-й сп 222-й сд.

Этим полком командовал полковник Лещинский. Опытный офицер, бесстрашный и хладнокровный воин, он умел находить правильные решения в самых трудных обстоятельствах и доказывал это не раз. На него у командарма была особая надежда. Лещинский был единственным командиром полка в звании полковника.

– Если не осилит Ефимов, – сказал он Кондратьеву, отдавая приказ на усиление атаки с востока, – Лещинский, с его упорством, додавит немцев в Маурино.

Но случилось непредвиденное.

В то время, когда 455-й и 453-й батальоны бригады Ефимова уже завязали бой на окраине Крюкова и в районе совхоза «Головково», чтобы своими действиями отвлечь на себя силы противника, а основные подразделения 151-й изготовились к атаке, в бригаду прибыли представители особого отдела и военного трибунала Западного фронта, а также офицеры штаба. Они имели на руках копию директивы командующего фронтом. Командарм получил директиву ещё утром. Но решил: пусть Ефимов начнёт атаку. Однако представители штаба Западного фронта имели другие санкции. Вместе с ними в бригаду прибыл новый командир бригады – майор Кузьмин и новый комиссар – старший политрук Яблонский.

Вот текст той директивы, подписанной Жуковым и Булганиным⁶⁹, содержание которой генерал Ефремов обязан был незамедлительно довести до сведения всех командиров всех подчинённых ему соединений и частей: «Военный совет фронта рассмотрел решение Воен-

⁶⁸ ЦАМО. Ф. 3391. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

⁶⁹ Булганин Николай Александрович (1895–1975) – генерал-полковник (1958). С 1918 г. в органах ВЧК. С 1922 г. на хозяйственной и советской работе. С июля 1941 г. член Военного совета Западного фронта, затем Западного направления. В 1944 г. – 2-го Прибалтийского, затем – 1-го Белорусского фронта. С ноября 1944 г. заместитель наркома обороны СССР и член ГКО. В феврале 1945 г. введён в состав ставки ВГК. Награждён двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, Суворова 1-й и 2-й степеней, двумя орденами Кутузова 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды.

совета 33 армии от 23 октября 1941 года по вопросу об оставлении командиром 151 мсбр майором Ефимовым и военкомом бригады Пеговым своей бригады.

Военный совет 33 армии, квалифицировав поступок Ефимова и Пегова позорным бегством с поля боя и предательским действием, обрекающим 151-ю бригаду на полный развал, вместе с тем указанным свыше постановлением поручил Ефимову и Пегову немедленно выехать в соединение выполнять боевую задачу и собирать часть.

Военный совет фронта считает такое решение вредным и объективно провокационным, допускающим дезертирство и даже предательство с оставлением таких командиров и комиссаров на своих местах.

Решение Военсовета 33 армии в связи с этим отменить.

Прокурору фронта и начальнику особого отдела фронта немедленно выехать в 33 армию, произвести по этому поводу расследование и в случае подтверждения дезертирства с поля Ефимова и Пегова, таковых немедленно расстрелять перед строем командиров.

Командарму 33 армии Ефремову и члену Военного совета 33 армии Шляхтину объявить строгий выговор с предупреждением, что и впредь за примиренческое отношение к такому позорному поведению командиров и политработников они сами будут сняты с постов и отданы суду.

Довести настоящее решение до сведения Военных советов армий, командиров и комиссаров дивизий, соединений и частей»⁷⁰.

Не судьба была майору Ефимову и комиссару Пегову повести своих бойцов в атаку на Маурино 27 октября 1941 г. Вскоре их расстреляли «перед строем командиров», как того и требовала директива штаба Западного фронта. В это время и в других армиях Западного фронта шли показательные расстрелы «дезертиров», «трусов» и «паникёров» перед строем. Жестокая правда войны свидетельствует о том, что победа добывалась и так.

Новый комбриг 151-й майор Кузьмин бросил батальоны вперёд. Но немцы отбили все атаки и в этот день, и в последующие. Трижды поднимал сомкнутые цепи своего полка полковник Лещинский. И всякий раз немцы заставляли батальоны откатываться назад.

Спустя некоторое время 151-я мсбр была расформирована.

На других участках 33-й армии тем временем шли не менее упорные бои.

113-я, занимая оборону по восточному берегу р. Нары, время от времени переправлялась на западный берег и атаковала населённые пункты, занятые врагом, уничтожая его живую силу и технику. К концу октября она насчитывала 1330 активных штыков и 1052 винтовки.

110-я сд вела боевые действия мелкими ударными группами, выдвинув их вперёд. Основная же часть войск усиленно занималась тем, что приводила себя в порядок и основательно укреплялась на новом рубеже. 1287-й сп продолжал удерживать д. Горчухино на противоположном берегу р. Нары. Время от времени немцы оттесняли роты, которые обороняли эту деревню, но вскоре, в результате согласованной контратаки, Горчухино вновь оказывалось в наших руках. Дело доходило до штыков и прикладов. 1287-й сп, накануне пополненный маршевым батальоном, прибывшим из Москвы, 27 октября атаковал с. Атепцево. Во время боя полк понёс большие потери: 30 человек убитыми 100 ранеными. Командир дивизии полковник Матусевич докладывал в штаб: «Основными причинами неуспеха являются:

а) Недостаток огневых средств артиллерии, миномётов и особенно пулемётов, имеющиеся 120-мм миномёты минами не обеспечены;

⁷⁰ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 1. Л. 33.

б) Отсутствие средств связи не даёт возможности использовать стрельбу дивизионной артиллерии с закрытых позиций ОП. Стрельба с закрытых позиций невозможна, так как орудия миномётным огнём противника выводятся из строя;

в) Большой некомплект командного состава и его неумение управлять, руководить войсками, в результате чего, действуя в условиях лесных массивов, части подразделений по лесу расползаются и собрать их этот комсостав не может.

В результате крайней усталости при непрерывном ведении боевых действий, при недостаточном техническом оснащении, в штатном некомплекте, в постоянной доукомплектовываемости от разных подразделений красноармейцами, собираемыми заградотрядами, нерегулярности обеспечения продовольствием, отсутствии горячей пищи (нет кухонь, недостаточное количество транспорта, крайне тяжёлое состояние дорог) – устойчивость в бою слабая.

Считаю необходимым:

1. Пополнение дивизии производить маршевыми ротами, сформированными в запасных полках с полным наличием командного и политического состава.

2. Обеспечение частей дивизии полностью штатными огневыми средствами и транспортом»⁷¹.

113-я сд занимала оборону по восточному берегу р. Нары на прежнем рубеже: Каменское – Клово – Рыжково. Полки дивизии к тому времени ещё не получили общевойсковую нумерацию, именовались условно: 1, 2 и 3-й. Потери в предыдущих боях были катастрофическими. К примеру 1-й полк к началу ноября насчитывал 15 человек. 2-й – 108 человек. 3-й, который в последние дни не участвовал в изнуряющих атаках на Романово, насчитывал 220 человек. Если иметь в виду, что 113-я – это бывшая 5-я ДНО, основу которой составляли москвичи, то определённый процент убыли можно отнести на счёт дезертирства.

Обеспечение воюющих подразделений всем необходимым, правильно организованный подвоз – это обеспечение успеха. Необеспечение дерущихся боеприпасами и продовольствием, медикаментами и вооружением – это обеспечение неуспеха. Трудности подвоза, которые испытывала 33-я армия в конце октября, начале ноября, хорошо иллюстрирует вышеприведённое донесение в штаб командира 110-й сд. А вот что говорилось в оперативной сводке штаба от 27 октября: «Дороги в полосе действия армии труднопроходимы, даже для гужтранспорта, движение автотранспорта возможно только по шоссе. Доставка боеприпасов на левый фланг армии 110 и 113 сд производится вручную на расстояние 20–25 км»⁷².

Рубеж обороны необходимо было укрепить основательно. Только так можно было повысить численность армии и её огневую мощь. Солдат в правильно отрытом окопе, на хорошей позиции, которая к тому же тщательно замаскирована, соединена с соседней ячейкой ходом сообщения, может воевать за двоих. Так рассуждали в 33-й армии.

«На долю нашей армии выпала почётная и ответственная задача защиты нашей любимой столицы – Москвы от немецко-фашистских орд.

Враг упорно стремился прорваться к Москве, но, понеся большие потери, вынужден был перейти к обороне, используя это время для перегруппировки и подтягивания резервов, с тем, чтобы начать новое кровавое наступление.

Об этом Военный совет армии неоднократно предупреждал командиров и комиссаров частей и соединений, требуя использовать временное «затишье» для возведения инженерных сооружений, укрепления занимаемого рубежа, на котором мы должны разгромить врага.

Однако произведённой в последние дни проверкой установлено:

⁷¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 8. Л. 16, 17.

⁷² ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 8. Л. 68.

1. В 108 сд в 1 гв. мсд вместо окопов во многих случаях вырыты «ямки» неопределённой формы без брустверов и берм, перекрытые хвоей и соломой, вместо ходов сообщения вырыты канавки, по которым невозможно передвигаться вследствие недостаточной ширины.

2. Воронки на дорогах сделаны недостаточной глубины.

3. Обзор и обстрел из окопов местами чрезвычайно ограничен.

4. Элементарные правила маскировки во многих частях не соблюдаются.

5. Темпы работ исключительно медленные.

6. Холода уже наступили, а многие землянки и блиндажи не отапливаются.

7. Командный состав, как правило, работами плохо руководит, переложив работы на младший комсостав.

8. Так же плохо руководят работой по возведению оборонительных сооружений начальники инженерной службы полков.

9. Партийно-политический аппарат оборонительными сооружениями не занимается.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Считать работы по возведению оборонительных сооружений задачей такой же важности, как и ведение боя, во время которого начальствующий состав находится в своих частях и подразделениях и руководит бойцами.

2. При производстве работ весь командный состав до командира и политрука роты включительно не имеет права оставлять свой оборонительный район, руководя работами и показывая личный пример.

3. За оборонительные работы и их тактико-техническое соответствие отвечают командир батальона и командир роты. Командир и военком полка ежедневно проверяют ход работы на всём полковом участке.

4. Окопы и их оборудование делать с соответствием с наставлением НИЖ-П-39, не делая лишь прищечных щелей, примыкая стрелковые ячейки непосредственно к соединительному ходу.

5. При производстве работ каждый красноармеец должен получать дневное задание, обязанностью командного состава является требовать его выполнение, широко развернуть социалистическое соревнование за досрочное выполнение заданий.

6. Комиссарам и начальникам политотделов дивизий в двухдневный срок лично ознакомиться с ходом оборонительных сооружений и принять все меры к мобилизации всего личного состава, прежде всего добиться, чтобы все коммунисты и комсомольцы, командиры и политработники показывали пример в производстве оборонительных работ и считали своим долгом повседневно руководить и возглавлять эти важнейшие мероприятия.

Ещё раз напоминаю командирам и комиссарам всех степеней, что возведение оборонительных сооружений является важнейшим мероприятием – мы должны так укрепить занимаемый рубеж, чтобы фашисты не только не прошли через него, но нашли бы перед ним себе могилу»⁷³.

Приказ датирован 19 ноября 1941 г.

В этот же день произошло следующее. Противник подверг сильному артобстрелу позиции 222-й сд. Сразу после полудня до батальона немецкой пехоты при поддержке танков атаковали правый фланг 774-го полка и левый фланг соседнего 113-го полка 32-й сд 5-й армии. Стрелки и артиллеристы 774-го сп открыли огонь и заставили противника залечь. Но сосед справа, не выдержав напора, попятился и вынужден был отойти в восточном направ-

⁷³ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 2. Л. 178–180.

лении. В результате немцы заняли село Болдино. Последующие контратаки с целью возвращения утраченных позиций приносили только огромные потери с обеих сторон. К примеру одна из контратак 457-го сп, который всё это время находился в полуокружении, увенчалась успехом: пехота противника была значительно оттеснена, а на поле боя оставлено около 200 трупов.

Генерал Ефремов относился к тем полководцам, которые в период боёв всегда старались быть ближе к передовой. В своих воспоминаниях генерал-полковник Л.М. Сандалов, который в августе 1941 г. был начальником штаба Центрального фронта в период, когда им командовал Ефремов, написал: «Михаил Григорьевич всегда предпочитал руководить войсками непосредственно на поле боя»⁷⁴.

В тот день командарм наблюдал за ходом боя с ближайшего НП командира 222-й сд вместе со своим начальником штаба генерал-майором Кондратьевым. Вечером в штабной землянке в Яковлевском они просматривали донесения о результатах боя.

– Уже пятые сутки Третья и Четвёртая танковые группы атакуют правое крыло Западного фронта, – сказал командарм. – После относительного затишья противник активизировал свои действия и на нашем участке. И, заметьте, Александр Кондратьевич, они ударили не просто в стык полков и дивизий, но в стык армий. Что бы это значило?

– Вы думаете, это разведка боем? Что там, в глубине, в несколько эшелонов, сосредоточились для удара крупные силы?

– Да, именно так. Укрепляться, зарываться в землю, минировать подходы и дороги. Фон Глюге недолго будет ограничиваться атаками числом до батальона при поддержке взвода лёгких танков.

1-я гв. мсд продолжала безнадежные бои за Наро-Фоминск. Полковник Лизюков уже прекрасно понимал, что отбить город теми силами, которые он имел, не удастся. Вряд ли удастся и удержаться на том плацдарме, который всё ещё занимал 175-й мсп. И тем не менее прибывающее пополнение тут же переправлялось на западный берег р. Нары и бросалось в пекло. Из штаба фронта поступали раздражённые телеграммы по поводу того, что необоснованно оставлен город, что необходимо его вернуть в ближайшие часы. И из штаба в Перхушково шли ответные телеграммы, в которых были такие слова: «... 1 мсд – существенных изменений в расположении нет. Ведёт упорные бои за окончательное овладение городом»⁷⁵. Дальнейшее продолжение уличных боёв вело только к новым потерям, которые ни в коей мере не восполнялись прибывающим пополнением. Явно бессмысленные атаки к тому же ломали психику людей, подавляли дух, особенно прибывших с недавним пополнением.

Можно как угодно комментировать эти донесения командарма 33. Но можно сказать совершенно определённо, что Жуков получал от Ефремова вполне адекватные ответы.

А Жуков стоял на своём: «Ваши действия по овладению Наро-Фоминском совершенно неправильны. Вместо окружения, изоляции противника в городе вы избрали затяжные, изнурительные уличные бои, в которых применяете и танки, в результате чего несёте огромные потери в людях и танках».

«Ударом на фланги 1 гмсд отбросить пр-ка в южном и ю.-з. направлениях, изолировать противника, занимающего часть города, и блокировать часть сил, таким путём уничтожить в городе.

Применять танки в городе запрещают»⁷⁶.

Утром 28 октября части 1-й гв. сд начали последний перед довольно продолжительным затишьем штурм Наро-Фоминска. Прибывшее в этот день в 113-ю сд пополнение – марше-

⁷⁴ Сандалов Л.М. На Московском направлении. М.: Наука, 1970.

⁷⁵ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 13. Л. 66.

⁷⁶ ЦАМО. Ф. 338. Оп. 8712. Д. 1. Л. 32.

вая рота в количестве 130 человек с винтовками – было тут же направлено в распоряжение командира 175-го мсп. До позднего вечера на улицах шли бои. Ни бойцы, ни командиры ещё не знали, что период изнурительных контратак с целью овладения где населённым пунктом, где улицей, а где просто отдельно стоящим зданием или развилкой дорог, закончился, что штаб Западного фронта принял решение о переходе к глухой обороне с целью перегруппировки и накопления сил.

Что касается попытки отбить Наро-Фоминск, то она была предпринята ещё раз, 12 декабря 1941 г., когда фланги Западного фронта уже перешли в наступление, а центр ещё стоял на месте, не имея приказа атаковать.

Штаб 33-й армии разработал подробный «План частной операции по захвату гор. Наро-Фоминск в ночь с 12 на 13 декабря 1941 года.

1. Цель операции – уничтожить противника на подступах к западной половине Наро-Фоминска и овладеть городом.

2. Способ действия – внезапным ударом в направлении выс. 193, 8, разъезд 75 км, ПР (Пруд. – *Примеч. С.М.*), выйти к подступам гор. Наро-Фоминск и блокировать его»⁷⁷.

Далее в документе перечислялись подразделения с изложением боевой задачи, поставленной перед каждым из них.

Командарм понимал: приказ о начале наступления в штаб армии поступит со дня на день. Перед началом наступления, как тогда было принято, в любом случае необходимо провести разведку боем. А что если попытаться убить сразу двух зайцев?

Не получилось.

Крупномасштабная разведка боем в центре фронта 33-й армии была проведена в ночь на 13 декабря. Вперёд пошли части 1-й гв. мсд, усиленные лыжными батальонами. Сводным отрядом руководил командир 6-го мсп полковник Гребнев.

Командарм во время проведения операции находился на НП командира 1-й гв. мсд. Для организации взаимодействия в 222-ю сд отбыл начальник оперативного отдела штарма полковник Киносян, в 110-ю – начальник разведотдела майор Потапов, в 113-ю – старший помощник разведотдела капитан Соболев.

Характерно, что за несколько часов до начала операции на главном направлении, разведку боем начали разведотряды 222, 110 и 113-й сд. Каждая – на своём фронте. До глубокой ночи шла стрельба на нейтральной полосе и вблизи населённых пунктов, занятых противником. Ни одна из разведгрупп проникнуть в расположение врага не смогла. Наблюдатели зафиксировали хорошо организованную систему ведения огня, которая позволяла немцам отражать как фронтальные атаки, так и возможные фланговые удары. Наличие на всех участках миномётов поддержки позволяло массированно уничтожать противника ещё на дальних подступах. На этих участках дивизиям 33-й армии противостояли 33, 351 и 81-й пехотные полки вермахта.

В 22.00 артиллерия 1-й гв. мсд провела обработку передовой линии обороны противника на своём участке. Сводный разведдивизион, куда вошли также сапёрные подразделения, поднялся в атаку. И сразу стало ясно, что обороны немцев не прорвать и здесь. Ночью связь с полковником Гребневым прекратилась. А утром, понеся большие потери, разведчики и сапёры, усиленные лыжными батальонами, вернулись назад, на исходные позиции.

В этот же день, 13 декабря 1941 г., командарм получил приказ штаба фронта – перейти в наступление.

Но, прежде чем перейти к повести о наступательных боях 33-й армии, необходимо рассказать об одном ярком эпизоде стояния армии Ефремова на Наре.

⁷⁷ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 2. Л. 277–279.

Глава пятая

Последняя атака фон Клюге

«Язык» сообщил: атака назначена на утро 1 декабря. Лётчики подтвердили сообщения наземной разведки. Двойной удар фон Клюге. Трагедия 479-го полка. Уроки Жукова и сталинские лопаты. Как попал в плен полковник Лещинский. Немцы наращивают удар. Полосухин приходит на помощь. Бросок на Алабино. Командарм вводит в бой свои резервы. Помощь Жукова. Полки и батальоны дерутся в полуокружении. Немцы выдохлись. Трофеи

Ночью 29 ноября разведчики 113-й стрелковой дивизии успешно, без стрельбы, миновали нейтральную полосу, проползли мимо постов и углубились в территорию, занимаемую противником. Там, в ближайшей деревне, захватили немца, скрутили его и через несколько часов, когда уже светало, приволокли «языка» к своим окопам. Немец, как и большинство пленных, оказавшись в тепле жарко натопленной штабной землянки, где его ещё и угостили горячим чаем, оказался словоохотливым и показал, что он из 92-го разведывательного батальона 20-й танковой дивизии, что дивизия основными своими частями из второго эшелона выведена к передовой линии и изготовилась для грандиозного наступления, цель которого – окончательный разгром русских и решительный бросок на Москву. Атака по фронту 33-й армии намечена на раннее утро 1 декабря. Выслушав немца, командир дивизии полковник Миронов тут же распорядился привести в полную боевую готовность все подчинённые ему подразделения, заминировать проходы, выдать бойцам противотанковые гранаты и бутылки с КС. Начальнику штаба майору Сташевскому приказал немедля отправить «языка» в штаб армии вместе с копией протокола допроса и всем, что при нём было обнаружено.

Генерал Ефремов допрашивал немецкого разведчика тоже недолго и отправил его срочным транспортом в Перхушково, до которого от Яковлевского было немногим более тридцати километров. Таким образом вскоре информацией о готовящемся грандиозном наступлении, окончательном и решительном, знал и генерал армии Жуков.

Отослав «языка» в штаб фронта, генерал Ефремов срочно затребовал всю информацию о наблюдении за противником в последние сутки. Из всех дивизий поступали примерно одни и те же сведения: никаких существенных изменений, редкий беспокоящий оружейный и миномётный огонь.

– Есть ли что необычное? – спросил командарм своего начальника штаба.

– Есть и кое-что необычное, – ответил Кондратьев. – В период с десяти до двенадцати часов тридцати минут над расположением полков Двести двадцать второй пролетели одиночные самолёты. Ни окопы переднего края, ни позиции артиллеристов, ни тылы не атакованы. Против обыкновения не ответили и на стрельбу из траншей. Таким образом можно сделать вывод, что противник произвёл авиаразведку глубиной до пятнадцати-двадцати километров в направлении на Кубинку и Минское шоссе.

Картина стала более ясной, когда о наблюдениях сообщили из 110-й стрелковой дивизии: в населённых пунктах близ передовой слышна работа танковых двигателей, немцы усилили патрулирование по западному берегу р. Нары, активизировались на плацдармах, захваченных ими накануне.

В следующую ночь за реку на немецкий берег были направлены новые разведгруппы. Каждый полк послал в поиск по одной-две группе. Характерно, что полностью поставленную задачу не выполнила только одна. Как правило, немцы обнаруживали разведчиков ещё на нейтральной полосе и открывали миномётный и пулемётный огонь, после чего развед-

чики уползали назад, уволакивая своих убитых и раненых товарищей. Немцы успели хорошо отладить систему боевого охранения, и наши разведывательно-диверсионные группы уже не могли так легко, как прежде, проникать в их расположение. К тому же наши группы действовали по шаблону: выходили, как правило, в одно и то же время, большим составом, двигались одними и теми же маршрутами. Неудивительно, что их боевая работа вскоре перестала давать сколько-нибудь реальные результаты. Успеха добивались там, где ломали шаблон, умело меняли тактику действия групп, как, например в 113-й сд генерала Миронова.

Первым поступило донесение от полковника Лецинского. Лецинский был назначен на должность комдива в конце ноября. Представление на него в штаб фронта подавал сам Ефремов. И вот пришло первое донесение, подписанное уже не исполняющим обязанности, а действительным командиром 222-й дивизии. Ефремов взял листок, прочитал: «Произведённые налёты отрядов частей 222-й сд в ночь на 30.11.41 с целью уничтожения живой силы противника, технических средств и захватом пленных, успеха не имели.

Противник, обнаружив действие отрядов, открыл сильный ружейно-пулемётный огонь, освещая всю местность ракетами, и поджогом зданий вынудил к отходу на исходное положение. В результате ночных действий уничтожена ОТ⁷⁸ противника.

Потери: убитыми – 3 человека, ранеными – 12 человек»⁷⁹.

Старший помощник начальника разведотдела штарма капитан А.М. Соболев доложил, что вернулась разведгруппа 1292-го сп 113-й сд. Действовала она в районе населённого пункта Мельниково. В результате налёта на окопы передового боевого охранения противника огнём из стрелкового оружия и ручными гранатами уничтожила до отделения солдат противника. Захвачен пленный. Допрошенный пленный показал, что он принадлежит к отдельному мотоциклетному батальону и что их срочно перебросили на передовую, собрав из некомплектных частей и сведя в одно подразделение. В ранце немецкого солдата был обнаружен любопытный документ – типографским способом отпечатанное обращение командующего группой армий «Центр» к своим солдатам и офицерам: «Солдаты! Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Вам осталась Москва. Заставьте её склониться, покажите ей силу оружия, пройдитесь по её площадям. Москва – это конец войны. Москва – это отдых. Вперёд!» Мотоциклетный батальон, к которому принадлежал пленный, входил в состав 20-й тд. В бою захвачены трофеи: 2 ручных пулемёта, 10 коробок с лентами, 2 винтовки, документы и письма немецких солдат. Наша группа тоже имела потери: 11 человек убиты и ранены.

Накануне 33-й армии был придан авиационный полк, который по приказу командующего тут же начал разведывательные полёты. В журнале боевых действий армии среди записей за 30 ноября появилась и такая: «Авиаполк в течение ночи одиночными самолётами производил поджигание и бомбометание населённых пунктов, занятых противником: Наро-Фоминск, Б. Горки, Таширово, одновременно производил разведку.

Боевой состав полка: 10 самолётов Р-5, 4 самолёта Р-зет»⁸⁰.

Первые же донесения лётчиков подтвердили скопления танков и мотопехоты противника в непосредственной близости к передовой.

Что касается наличия авиации в 33-й армии, то следует привести документ, свидетельствующий буквально о следующем: «Во исполнение указаний Ставки Главного Командования КА по уничтожению населённых пунктов, занятых противником перед Западным фронтом

⁷⁸ Огневая точка.

⁷⁹ ЦАМО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

⁸⁰ ЦАМО. Ф. 338. Оп. 8712. Д. 2. Л. 8.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командующему ВВС ЗАПФРОНТА придать армиям по одной эскадрилье особого назначения, которые подчинить командующим ВВС армий.

2. Личный состав и материальную часть для указанных эскадрилий выделить:

...для 33 армии – 5 самолётов Р-5 из 686 лбп⁸¹ 31 ад.

Передачу эскадрильи закончить к исходу 20.11.41 г., штабы полков этих частей остаются в составе авиадивизии и довольствуются эскадрильями».

Ранним утром 1 декабря 1941 г. из штабов дивизий начали поступать сведения о том, что противник задвигался. В 7.00 началась мощная артподготовка. Одновременно самолёты нанесли бомбовые удары по КП дивизий и полков, а также по тыловым коммуникациям. Ровно час длилась артподготовка. Ещё не рассвело, когда перед полуразрушенными траншеями и дотами левофланговых 110-й и 113-й дивизий появились танки с мотопехотой. Но уже через час удар был нанесён на правый фланг, в стык 222-й сд и 1-й гв. мсд.

Фон Клюге рассчитывал на то, что Ефремов, ощутив сильный нажим на свой левый фланг, перебросит туда свои резервы, оголит участок 222-й сд, и тогда он нанесёт свой основной удар.

Под деревенькой Новой немцы прорвали фронт 222-й сд. В прорыв тут же вошла 258-я пд при поддержке до 80 танков 19-й тд. Во втором эшелоне двигался 479-й пп. А следом за ними, с небольшим интервалом, выдвигались полки 292-й пд с задачей: совместно с танковым батальоном 27-го тп 19-й пд развить наступление в направлении на Акулово и выйти на Минское шоссе в районе Кубинки. Ударная группировка 20-го армейского корпуса генерала пехоты Матерны насчитывала восемь-девять тысяч человек. Правее их наступала 7-я пд. Она должна была оттеснить правофланговые полки 222-й сд и выйти во фланг фронту 5-й армии. Замысел, надо признать, был блестящим. Начало его выполнения тоже оказалось успешным.

Как же отреагировали обороняющиеся?

479-й сп 222-й сд, который оказался под гусеницами танкового клина, остался навечно в снегах Подмосковья. Оттеснённые 478-й и 458-й полки дрались в полуокружении в районах Иневки и Малых Семёнычей.

На Кубинском шоссе движение немецкой колонны сразу замедлилось. Сработала хорошо подготовленная система минных полей и заграждений. Сразу несколько танков противника были выведены из строя.

Видя угрозу глубокого прорыва и понимая направление немецкого удара, Ефремов срочно связался с соседом справа. Генерал Говоров в это время находился на КП своей левофланговой 32-й сд полковника Полосухина. Соседи тоже изготавились и ждали удара. На перехват танковой колонны он тут же выслал 17-й сп и резервный полк ПТО.

Немцы тем временем вынуждены были свернуть с шоссе и двигаться по обочинам. Возле Акулова их уже ожидали успевшие занять позиции части 5-й армии. Немцы потеряли до батальона пехоты и около 20 танков. Атака была отбита.

Говоров все эти дни находился на КП своей левофланговой дивизии. А предыстория его появления здесь, под Акуловом, и такого старательного и упорного сидения здесь вот какова.

В своей книге «Солдатский долг» К.К. Рокоссовский, который в те дни со своей 16-й армией с трудом сдерживал танковые удары немцев, после войны писал: «Как-то в период тяжёлых боёв, когда на одном из участков на истринском направлении противнику удалось потеснить 18-ю дивизию, к нам на КП приехал комфронта Г.К. Жуков и привёз с собой

⁸¹ Лёгкий бомбардировочный полк, в составе которого были в основном знаменитые «кукурузники».

командарма 5 Л.А. Говорова, нашего соседа слева. Увидев командующего, я приготовился к самому худшему. Доложив обстановку на участке армии, стал ждать, что будет дальше.

Обращаясь ко мне в присутствии Говорова и моих ближайших помощников, Жуков заявил: «Что, опять немцы вас гонят? Сил у вас хоть отбавляй, а вы их использовать не умеете. Командовать не умеете!.. Вот у Говорова противника больше, чем перед вами, а он держит его и не пропускает. Вот я его привёз сюда для того, чтобы он научил вас, как нужно воевать».

Конечно, говоря о силах противника, Жуков был не прав, потому что все танковые дивизии действовали против 16-армии, против 5-й же – только пехотные. Выслушав это заявление, я с самым серьёзным видом поблагодарил комфронта за то, что предоставил мне и моим помощникам возможность поучиться, добавив, что учиться никому не вредно.

Мы все были бы рады, если бы его приезд этим «уроком» и ограничился.

Оставив нас с Говоровым, Жуков вышел в другую комнату. Мы принялись обмениваться взглядами на действия противника и обсуждать мнения, как лучше ему противостоять.

Вдруг вбежал Жуков, хлопнув дверью. Вид его был грозным и сильно возбуждённым. Повернувшись к Говорову, он закричал задыхающимся голосом: «Ты что? Кого ты приехал учить? Рокоссовского?! Он отражает удары всех немецких танковых дивизий и бьёт их. А против тебя пришла какая-то паршивая моторизованная и погнала на десятки километров. Вон отсюда на место! И если не восстановишь положение...» и т. д. и т. п.

Бедный Говоров не мог вымолвить ни слова. Побледнев, быстро ретировался.

Действительно, в этот день с утра противник, подтянув свежую моторизованную дивизию к тем, что уже были, перешёл в наступление на участке 5-й армии и продвинулся до 15 км. Всё это произошло за то время, пока комфронтом и командарм 5 добирались к нам. Здесь же, у нас, Жуков получил неприятное сообщение из штаба фронта».

При всей грубости Жукова поражает его осведомлённость. Всюду, где бы он в это время ни находился, самая свежая информация поступала к нему немедленно. И он реагировал мгновенно.

Такой штрих: в период Битвы за Москву Жуков побывал во всех армиях, входивших в состав Западного фронта, кроме 33-й. Ни в документах, ни в мемуарах генералов и полковников, ни в воспоминаниях рядовых солдат я не нашёл упоминания о том, что комфронта побывал на этом участке своего фронта. Вот и попробуй, реши, что это было: уверенность в Ефремове как в командарме, или что-то другое, с военным делом не связанное...

Но в тот же день Жуков сам попал под «разнос».

Дело в том, что в Ставке о прорыве под Наро-Фоминском узнали всё же раньше, чем об этом сообщили Жукову. И на КП Рокоссовскому, видимо, звонил уже Василевский, передавший приказ Сталина Жукову быть немедленно на своём КП в Перхушкове, так как противник уже движется танковой колонной к Кубинке. Вот почему командующий кричал на Говорова «задыхающимся голосом».

А перед этим Сталин несколько раз звонил в штаб Западного фронта, спрашивал Жукова, но ему всякий раз отвечали, что Жукова нет, выехал в войска. Генерал Степанов, обеспокоенный прорывом немецких танков на Кубинку, откуда до Перхушкова полчаса хода, попросил разрешение Верховного перевести штаб в более спокойное место, на восток от Москвы. По воспоминаниям генерала Голованова, «повисла долгая тишина, и стало как-то не по себе.

– Товарищ Степанов, узнайте у товарищей, есть ли у них лопаты?

Снова напряжённая пауза.

– Что, товарищ Сталин?

– Лопаты есть у товарищей?

– Товарищ Сталин, а какие лопаты, сапёрные или какие-то другие?
– Всё равно какие.
– Товарищ Сталин, есть лопаты! А что с ними делать?
– Товарищ Степанов, передайте вашим товарищам, пусть берут лопаты и копают себе могилы. Мы не уйдём из Москвы, Ставка остаётся в Москве. А они никуда не уйдут из Перхушково».

Нервы были на пределе у всех.

Во время прорыва немцев прервалась связь с КП полковника Лещинского. Ефремов с тревогой ждал сообщений из 222-й, но связь молчала. Он выслал офицера связи. Тот вскоре сообщил, что полковник Лещинский во время боя находился на КП 479-го сп, что полк практически истреблён и что командование дивизией, т. е. двумя уцелевшими полками, принял на себя начштадив подполковник Седулин.

Позже выяснилось следующее.

Когда противник стал проявлять активность, командир дивизии с офицерами связи перебрался на КП 479 сп. Он угадал направление главного удара. Вскоре ураган снарядов и мин начал сокрушать оборону полка. КП прикрывали земляные доты. Когда немцы пошли атаку, пулемёты открыли огонь. А перед этим перетащили раненых с КП, куда попал снаряд. Ранен был и полковник Лещинский. Немцы подвели танки и расстреляли доты из орудий. Среди тел убитых немецкие автоматчики нашли одного живого, в гимнастёрке с полковничьими петлицами. Бросили его на моторную решётку танка, чтобы не замёрз. Некоторое время Лещинский считался без вести пропавшим. Потом о его пленении рассказал кто-то из уцелевших бойцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.